

ЮЛИЯ
АНДРЕЕВА

Юлия Андреева
Дорога к саду камней
Серия «Геймер», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4241865

Аннотация

Мир, в котором человеческая жизнь ничего не значит, и потому счет идет на сотни и тысячи. Где иногда не успеваешь родиться, как тебя уже разорвали на клочки. Мир, где дети в качестве тренировки учатся отсекать головы. А сюзерен решает, с кем его приближенным жить и кого убивать.

Где светлые волосы и голубые глаза – метка сатаны, и невозможно спрятаться, смешаться с толпой, прикинуться ветошью.

Какой нормальный человек мог возжелать оказаться в этом ужасном, опасном и безысходном мире? – Только тот, кто явился не за чужими землями и почестями, а единственно, чтобы поиграть и выиграть! Только настоящий ИГРОК.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	35
Глава 11	40
Глава 12	44
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юлия Андреева

Геймер 2

Дорога к саду камней

Увидишь Будду – убей Будду.

Дзен

Глава 1

Тайная книга

Человек, исполненный решимости, способен контролировать свой последний момент и провести его с честью. Поэтому, если такому человеку даже внезапно отрубят голову, он все равно останется какое-то время стоять на ногах. В этом мне видится великая доблесть.

Кияма Укон-но Оданага, господин Хиго, Сацумы и Осуми, из династии Фудзимото

– Многие спорят, как правильно отрубать голову: чтобы она падала наземь или оставалась висеть на тоненьком куске кожи. Приверженцы последнего метода считают, что отсеченная полностью голова сразу же покатится в сторону от тела, и может... шутка ли сказать, докатиться до высоких гостей, присутствующих на сэппуку. Это обстоятельство может испортить впечатление от увиденного, опозорив самурая, которому было положено следить за порядком проведения церемонии. Если совершающий сэппуку ^[1] – владетельный даймё¹, для проведения ритуала ему следует отвести помещение в замке. Это не относится к тому случаю, если поступило распоряжения свыше считать приговоренного к сэппуку даймё изменником и предателем. Предатель, если он является представителем древнего рода и князем, по высочайшему повелению должен окончить свою жизнь в менее почетном месте, в саду, на лужайке возле замка, где для этой цели будет сооружен специальный настил. Если, согласно приговору, он должен совершать сэппуку в одиночестве, для него могут воздвигнуть небольшую беседку или отгородить настил ширмами. На церемонии обязательно должен присутствовать самурай, совершающий *кайсаку* ^[2], то есть помогающий даймё расстаться с жизнью, а также как минимум три наблюдателя. Один из которых может быть самурай, приготавливающий церемонию. Наблюдатели необходимы для того, чтобы доложить о произошедшем во всех подробностях и доставить голову покойного в качестве доказательства смерти. Впрочем, я начал говорить о том, как именно следует отсекал голову, так чтобы она не была до конца отделена от тела и повисала на куске кожи или полностью была отсечена от шеи. Точного ответа на этот вопрос не существует. Что же до меня, то я всегда рубил головы, отсекая их полностью, – произнес это, Кияма Укон-но Оданага, господин Хиго, Сацумы и Осуми, член Совета регентов Японии из династии Фудзимото, глава даймё-христиан Японии, кивнул, как бы еще раз подтверждая сказанное, и поклонился, коснувшись циновки лбом, когда его собеседник склонился перед ним в поклоне, преисполненным благоговейного почтения.

– Я надеюсь, вы все записали верно, Такеси-сан? – Кияма снова сел на пятки, выпрямив спину, рыжий отблеск закатных лучей освещал его неподвижное лицо, делая даймё похожим

¹ Даймё – удельные князья. Право на звание даймё имели феодалы, чей доход от имений был не менее 10 000 коку.

на статую медитирующего Будды. В такой позе он мог находиться часами, при этом ни один мускул лица не двигался, тело оставалось в полном покое.

– Все до последнего слова. – Такеси засуетился напротив своего сюзерена, мелко кланяясь. – Не извольте беспокоиться. Потомки будут благодарны вам за эти разъяснения.

– Я хотел бы попросить тебя поработать со мной над еще одной книгой. – Кияма прикрыл веками глаза, заранее предвкушая удивление своего секретаря. Долгие годы, проведенные рядом с этим человеком, сделали свое дело, и Кияма мог не смотреть на старого Такеси, для того, чтобы в точности воссоздать выражение его лица с запавшими щеками и глазами навывкате, как у выброшенной прибоем на берег рыбы. И то, как неловко он смахивает с лица пот своей безобразной култей, похожей на рачью клешню.

Гости Кияма и его челядь неизменно приходили в восторг от однорукого секретаря, умудряющегося выводить идеальные по своей красоте и гармонии иероглифы левой рукой, в то время как большинство знакомых Кияма не могли похвастаться и третьей талантов однорукого.

– Но мы еще не закончили «Наставления для отроков, воспитывающихся в самурайских семьях»... – Худенький, тщедушный Такеси, должно быть, наконец-то разозлился, Кияма втянул ноздрями воздух с явственным запахом свежего пота.

Повисла пауза.

– Неужели вы хотите бросить сей труд, которого ожидают его высочество, а также великий сёгун? У вас был шанс составить свои «Наставления» первым, обессмертив свое имя... – Такеси невольно прикрыл ладонью рот, опасаясь, что наговорил лишнего.

– Мы будем работать над двумя рукописями одновременно. – Кияма снова замолчал, смакуя наступившую тишину. – Я бы хотел попросить тебя помогать мне в составлении тайной рукописи. Рукописи, о которой никто не будет ничего знать, кроме нас с тобой.

– О, это великая честь для меня. – Такеси снова поклонился, ткнувшись лбом в белоснежное татами и застыв в этой позе полной покорности.

– Признаться, я и затеял писать свои «Наставления» только для того, чтобы никто не подглядел, чем мы занимаемся на самом деле. Шпионы, без сомнения, сообщат нашим врагам, что мы продолжаем работать над текстом «Наставлений», в то время как мы будем делать две книги одновременно. Как тебе такой план? – Кияма открыл глаза, весело поерзав на седельной подушке.

– Прекрасный план, господин даже убедил других даймё написать аналогичные книги, так что теперь все будут уверены, что вы поддерживаете состязания, в то время как... А о чем будет ваша тайная книга?

– Не о чем, а о ком. – Кияма улыбнулся уголками губ. – Признаться, я долго думал, приглядываясь к тебе, прежде чем решил посвятить тебя в курс дела.

– Семь поколений моих предков честно служили роду Фудзимото, – захлебнулся в обиде Такеси. Его лицо побелело, а затем словно налилось кровью, на лбу выступила испарина.

– Да, да, я знаю, твои предки и ты сам во все времена были безупречными воинами, – произнося это, Кияма старался не смотреть на культу секретаря, уперев взгляд в прислоненную к стене китайскую ширму с пионами, – но, не скрою, я все же не мог довериться тебе без особой проверки. Поэтому сорок лет назад я и взял тебя в секретари. Сорок лет – немалый срок для проверки верности. Не так ли? – Он усмехнулся, хлопая себя ладонями по коленям.

– Вы знаете меня всю жизнь, господин. Не сорок – а шестьдесят лет. Позволю себе напомнить, что я единственный из детей, обучающихся вместе с вами владению мечом, оставшийся после этих уроков в живых и не будучи при этом сильно искалеченным. – Лицо Такеси из красного сделалось почти черным, так что Кияма невольно подумал, а не случится ли с его секретарем удар.

– Простите меня, господин, мне кажется, я наговорил лишнего. – Такеси снова утер пот со лба.

– Да, да, действительно шестьдесят лет. – Впервые Кияма казался растерянным. – А я, признаться, и не вспомню, каким ты был ребенком. Кажется, что всю жизнь ты был старым тощим дурнем, таскавшимся за мной со своим письменным прибором. – Даймё усмехнулся. – Извини за старого дурака, но я давно уже думаю о тебе как о друге.

– Это великая честь для меня! – Заерзал Такеси. – Признаюсь, я опасался, что вы действительно сочтете меня старым и сошлете в одно из ваших отдаленных поместий. Работа над «Наставлениями» подходит к концу, а я так привык к вашей милости, что лучше уж без разрешения совершу сэппуку, чем соглашусь добровольно покинуть вас. – Такеси снова низко поклонился. – Я обучал грамоте вашего сына и надеялся, что вы доверите мне обучение внуков. Как раз сегодня я хотел просить вас об этом. Но теперь, когда мы будем работать сразу же над двумя книгами, я снова чувствую себя молодым и сильным, я...

– Кстати, все хотел спросить тебя, почему ты не женился?

За седзи мелькнула тень, и тут же кто-то поскребся у входа.

– Заходи, *Хана-тян*², – пригласил служанку Кияма.

Девушка бесшумно открыла дверь и, войдя в комнату, утвердила перед даймё и его секретарем крошечный столик, на который другая служанка молча поставила бутылочки саке и чашечки. Встав на колени, Хана налила хозяину и затем Такеси, вопросительно поглядев на даймё.

– Можете идти. Не дети, сами справимся. – Кияма проводил служанок взглядом, дождавшись, когда девушки прикроют седзи.

– Так почему ты не женился, старый хрыч? Неужели тебе жалованья мало? Или всю жизнь собирался чужих детей грамоте обучать? Теперь, небось, поздно тебе обзаводиться семьей. Силы уж не те, да и твой стручок, поди, давно уже не тот, что в молодости. Признаться, небось, уже давно и что делать-то с ним позабыл? – Кияма отпил из своей чашечки, с удовольствием потягивая напиток. – Впрочем, ученые занятия ревнивы, они не допускают, чтобы человек расходовал себя на жену и детей.

– Ваша правда. – Такеси снова низко поклонился, оставаясь в таком положении и украдкой смахивая слезу. – А о чем ваша новая книга? Точнее о ком?

– Я хотел бы написать о человеке, прошедшем через время и появившемся здесь, в чуждой ему стране, чужом времени, чтобы изменить ход истории, или... – Кияма задумался.

– Что значит «прошедшем через время»? – не понял Такеси.

– Я буду диктовать тебе о человеке, пришедшем из будущего.

– Но так не бывает! Простите меня. – Такеси подавился саке и был вынужден откашляться. – Наше учение говорит о том, что нет будущего и нет прошлого, одно сплошное настоящее.

– Я посвящу тебя в тайну, о которой сейчас знают только в ордене «Змеи»³. – Кияма перешел на шепот, его лицо по-прежнему оставалось почти что неподвижным, но рука сделала движение, изображающее в театре змею.

Такеси кивнул, вытаращив на господина глаза.

– Как ваш секретарь, я, разумеется, слышал об этом ордене, но не знаю...

– Орден «Змеи» – это люди, умеющие проникать в любое время и любое место на нашей земле. Они могут заслать своего воина в древний Китай, где он, поддерживаемый

² «Тян» или «чан» – уменьшительно-ласкательный суффикс. В этом случае «хана» – цветок или нос, хана-тян – цветочек или носик.

³ Змея – по-японски «хэби». В дальнейшем тексте будут использованы и японский, и русский вариант, в зависимости от контекста.

членами ордена, живущими в том времени, будет представлен ко двору императора. Впоследствии он займет важный пост и будет влиять на политику страны.

– Но откуда в древнем Китае возьмутся люди ордена? – На краткий миг Такеси показалось, что господин тронулся рассудком.

– Я же уже сказал, они пронизывают мир вдоль и поперек, и если им необходимо подготовить государственный переворот в какой-либо стране, они ищут человека, который сможет стать во главе бунта. И если его нет в той стране, его берут из другой. А если его нет ни в одной другой стране, его берут из другого времени. «Змеи» есть повсюду.

– Но может ли быть представлен ко двору императора человек, явившийся из другого времени? – усомнился Такеси. Его старые ноги давно уже устали, но он не смел подняться или поменять позу.

– Ты смотришь в самый корень. – Кияма довольно крикнул, подливая себе саке. – Посторонний никогда не сможет встать у власти, где все места распределены между сыновьями правящей элиты. Но для того и орден, чтобы взявшийся неведомо откуда чужестранец был бы принят в один из влиятельных домов и назван сыном и наследником. После чего он уже может явиться ко двору императора.

– А куда девается их наследник? – Такеси все еще не мог поверить в реальность происходящего.

– Наследник может умереть от болезни или быть убитым во время путешествия. Обычно берут человека никому не известного, например, воспитанного где-нибудь в провинции. Много ты знаешь юношей, которых родители впервые представляют ко двору сегуна? Ты знаком со всеми домочадцами мелких даймё? Конечно же нет.

– О ком вы собираетесь писать? – Такеси налил себе немного саке, не зная, как скрыть внезапно охватившее его возбуждение, его руки ходили ходуном, голова старчески тряслась.

– Я назову его имя чуть позже. – Кияма проникновенно посмотрел в глаза Такеси. – О нем и еще обо мне. – Он снова замолчал, ожидая вопросов, и поскольку Такеси ничего не спросил, затравленно глядя на своего господина, продолжил: – Ты не можешь владеть мечом, потому что сын твоего господина, будучи еще ребенком, случайно покалечил тебя.

– Вы отсекали мне кисть, если быть точным, – Такеси кивнул, – но все это в прошлом. Вы мой господин, и я должен...

– Потом, когда тебе и сыну твоего сюзерена было по шестнадцать лет, он изнасиловал твою невесту, и она покончила с собой. – Темные глаза Кияма впились в хлипкую фигурку секретаря.

– Я просил тогда разрешение у вашего благородного отца совершить сэппуку, но он отказал мне. Решил, что одной рукой я не смогу правильно вспороть себе живот. Так что нет смысла и позориться. Он был великим знатоком традиций.

– А потом в двадцать я взял тебя к себе секретарем, и мы стали, наконец, друзьями. Так или нет?

– Да, и я очень благодарен вам за это.

– Ты никогда не думал покончить со мной за то горе, что я тебе причинил?

Такеси молчал.

– Значит, думал. – Кияма бросил на пол чашку, и она покатилась по татами. – Почему не убил?

– Вы мой природный господин, мы все в вашей власти, – машинально произнес Такеси. Его огромные, навывающие глаза при этом застыли, сам он словно пребывал в трансе. – Все что ни сделает господин – правильно. И наше дело принимать с покорностью и смирением.

– Ты мог жить рядом с чудовищем, искалечившим тебя и убившим твою любовь?! – Кияма на секунду отвернулся.

– Я и сам не знаю, как это произошло... Я очень виноват перед вами, господин. Я достоин смерти. – Такеси поставил на столик свою чашку. – Вы испытывали меня, господин, и я оказался недостойным ваших милостей. Теперь я готов признаться, что после смерти Эрики я целыми днями молился, чтобы вы умерли. А потом вы и вправду заболели, и я испугался, что вы умрете, и ваш род прервется. Я и сам был готов умереть вместе с вами или еще лучше за вас. Я чувствовал свою вину, видел, как вы страдаете. И ничего уже не мог сделать. Когда проказа покрыла ваше лицо и руки, когда... – Он задохнулся, закашлявшись. – О, я мечтал умереть вместе с вами. Как мечтал! – Лицо старика осветилось, глаза сияли. – Я бинтовал себя вашими бинтами, я пил из вашей чашки и ел вашими палочками. Но не заболел. А потом, вы приняли христианство и заставили всех нас креститься. Мне было больно чувствовать себя изменником Будды и его бодхисатв. Но я понял, что принесу жертву, отказываясь от веры наших предков. Христос велел прощать, и я искренне простил вас. И вот вы не только поправились, а и изменились! Ваша мать не так могла прочувствовать изменения, произошедшие с вами, ваши женщины не так поняли это, как ощутил это я. Вы предстали перед нами совершенно другим человеком. Вы стали христианином, вы перестали убивать и насиловать направо и налево. Вы стали заботиться о своей земле, о своем доме, о славе предков! Вы взяли меня, калеку, своим секретарем и ни разу не унизили меня тем, что я не могу поднять меча. Вы стали совершенно другим человеком, не проклятием рода Фудзимото, как называли вас за глаза с самого детства, а его благословением. Вы стали другим...

– Я и есть другой. – Кияма поспешно поднялся, успев заткнуть ладонью рот Такеси и повалив его при этом на пол. – Молчи, пожалуйста, молчи, или я буду вынужден убить тебя на месте. Сейчас я уберу руку, и ты будешь молчать и выслушаешь мою исповедь. – Такеси моргнул в знак согласия.

Медленно Кияма убрал руку, готовый в любой момент перерезать секретарю горло откуда-то взявшимся у него ножом *когай*⁴.

⁴ *Когай* – маленький ножик, располагается на ножнах катаны, используется в хозяйственных целях.

Глава 2

Испытание длиною в сорок лет

Если кровь ударила тебе в голову, смочи слюной верхнюю часть уха, после этого к тебе вернется спокойствие, и ты сможешь более здраво мыслить.

Это средство следует держать втайне от других.

Тода Хиромацу. Секреты школы Голубого тигра

— Так вот, я — воин ордена «Змеи», родившийся в далеком будущем в стране, о которой ты ничего не слышал. Я не японец и не имею никакого отношения к славному роду династии Фудзимото. Поверь мне — это правда. Бывают самозванцы на престол, но самозванцы, утверждающие, что не имеют никаких прав на этот престол, самозванцев на нищету или лютую смерть... — Он улыбнулся, все еще готовый в любой момент наброситься на Такеси. — Наш орден заменил меня на скончавшегося от проказы настоящего Кияма. Волей судьбы я действительно очень похож на покойного, да и его лицо слишком долгое время скрывали бинты и маска, чтобы домочадцы успели забыть, каким он был. Христианство было ловкой отговоркой, с одной стороны — чудо, с другой — ты сам сказал, что после моего «волшебного исцеления» я изменился и стал другим человеком. Я развелся с женой, так как почти невозможно обмануть женщину, разделявшую с тобой ложе, и прогнал всех наложниц, я должен был заменить всех ближайших слуг, так как они могли узреть различия и заподозрить неладное, но я пожалел одного тебя, калеку, так как узнал, что мой предшественник сделал с тобой и твоей девушкой. Я не мог вернуть тебе любимую, не мог излечить твою руку, и я, конечно же, боялся, что ты захочешь отомстить мне. Но я так отчаянно нуждался в друзьях... Теперь ты знаешь, что настоящий Кияма умер в мучениях, как ему и следовало за его злодеяния. Я же совсем другой человек — считай началом нашего знакомства день, когда выздоровевший Кияма впервые покинул самостоятельно свою комнату. И не обращай внимание, что я так похож на твоего обидчика. Я не он — он не я.

— Значит, вы не Кияма Укон-но Оданага, господин Хиго, Сацумы и Осуми? Настоящий Кияма, член Совета регентов Японии, глава даймё-христиан Японии, скончался? Так? — Старик выглядел растерянным, но необыкновенно заинтересованным. Это был хороший знак.

— И так, и не так. — Фальшивый Кияма погладил черную с проседью, похожую на серебряную дорожку луны бороду. — Кияма Укон-но Оданага, господин Хиго, Сацумы и Осуми, из династии Фудзимото, действительно умер в двадцать лет. Но вот членом Совета регентов Японии и главой даймё-христиан Японии стал не он, а именно я. Так что какая-то польза роду Фудзимото от меня все же была. Что же до тебя, друг мой, то, признаюсь, я все время пытался как-то загладить его вину перед тобой. Но что тут сделаешь?..

— Вы могли заставить меня жениться, — подумав, сказал Такеси. Теперь он не сидел на пятках, а полулежал там, где его оставил лже-Кияма. — Я бы высказал протест, но не посмел ослушаться. А потом, быть может, я привык к своей жене, и у нас сейчас были дети и внуки.

— Не знаю. — Лже-Кияма пожал плечами. — Я думал, что ты верен своей возлюбленной.

— Если вы пошутили надо мной, господин, выдумали сказку, чтобы я раскрыл перед вами свое сердце, считайте, что вам это удалось. — Такеси вздохнул. — Признаюсь, это я и только я повинен в том, что вы... или тот, настоящий Кияма... заболел проказой. Считаю своим долгом признаться, что это я купил у проказенного некоторые его вещи и подсунул вам. То есть вам или тому, настоящему Кияма. — Такеси выдержал взгляд господина. — Я действительно отомстил обидчику. Отомстил подло и очень жестоко. И нет мне прощения ни на этом, ни на том свете.

– Понимаю, ты не мог поднять меча и...

– Мог! – Лицо секретаря из пунцового сделалось бледным. – Моя левая рука натренирована не менее, нежели была правая. Много раз я думал, как рубану сверху вниз, и тело молодого господина развалится на две части. Я во второй раз совершил предательство. Мне не следовало так думать, не следовало травить господина. Я должен был служить роду Фудзимото, как служили ему семь поколений моих предков. Но я ничего не мог с собой поделать, я подумал, что меч – это очень быстро. И что вы, то есть он, умрет, не мучившись. Я хотел, чтобы он страдал, невыносимо страдал... Убейте меня, господин!

– Ты поступил правильно. – Кияма ухмыльнулся. – И я рад, что все наконец разрешилось. Ты отомстил, убив обидчика, я же твой друг. И в доказательство дружбы я посвящу тебя в тайны и сделаю одним из нас, одним из членов ордена «Змеи». – Даймё плеснул в чашку секретаря саке, но поскольку руки старика сильно тряслись, заботливо поднес напиток к его губам.

Немного успокоившись, Такеси, пошатываясь, вышел из покоев своего сюзерена.

– Вам нездоровится, – остановила его принесшая столик служанка.

– Просто выпил лишку, – улыбнулся Такеси. – Наш господин, он сильный, как *Сусано-о-но микото*⁵, а я слабый, ветхий, пара чашечек могут с ног свалить.

За его спиной зашуршало, и первая заметившая хозяйина девушка почтительно встала на колени.

– Отдыхай, старый пьяница, – добродушно похлопал его по плечу Кияма, – через несколько дней я соберусь с мыслями, вызову тебя в замок и расскажу о нем. – Даймё повернулся ко все еще коленопреклоненной служанке и, когда та подняла голову, погладил ее по щеке. – Позови ко мне мою младшую наложницу, – весело попросил он, все еще вглядываясь в почти что черные глаза оробевшей перед ним девушки. И когда та поспешно поднялась и убежала исполнять приказание, Кияма вплотную приблизился к лицу своего секретаря.

– Через несколько дней ты узнаешь, кто тот другой, что явился сюда из грядущего, из... – Он махнул рукой и вернулся в свои покои, оставив ошарашенного Такеси в одиночестве.

⁵ *Суса-но-о-но микото* – герой японского эпоса. Другие имена Хая-Суса-но-о-но микото, Такэхая-Суса-но-о-но микото. Упоминается в «Кодзики».

Глава 3

Деревья не спят над рекой

Если, стоя дома у окна, тебя распирает помочиться на прекрасный вид сада или горизонт, в этом нет ничего постыдного. Нельзя мочиться в сторону дома. Это невежливо по отношению к собственному жилью и великое оскорбление для человека, в сторону дома которого вы мочитесь. Все зависит от выбранного направления. Тогда Хиромацу. Книга наставлений

Как же прекрасны ночи в Японии, боже, как же они прекрасны! Луна нынче похожа на лодочку с бойко задранным носом, джонка, да и только. Плывет она в черном-пречерном море в окружении прекраснейших в мире звезд. А звезды все как на подбор огромные, окруженные какими-то чудными ореолами, точно лики ангелов небесных нимбами.

В такие ночи ясно понимаешь, что Бог действительно есть. Неважно – японский это бог или какой еще. Кто-то ведь должен был создать всю эту красоту.

Капельки росы на кустах светятся в лунном или звездном свете. В каждой свой оттенок, своя история, своя тайна. Внизу поблескивает вода. Змеится черно-серебряная шкура величественной змеи-реки, выгибается, вьется, унося в неведомые дали наши сны и мечты, все, о чем думают люди, смотрясь в ночные реки.

Царица-ночь закрывает бархатной накидкой *Хоро* ^[3] мир, чтобы влюбленные могли наконец остаться в одиночестве.

В богатых домах еще горит свет, отчего сами дома кажутся прозрачными, за их стенами – театр теней. Разыгрываются величественные драмы этого времени.

В прошлый раз, в прошлой далекой жизни, в недостижимом сейчас прошлом, или будущем, если смотреть отсюда, из семнадцатого века, Ал бывал в Иокोगаме в составе русской делегации. Тогда река была украшена синими огнями, расположенными в ночи во всю длину набережной, подобно удивительным бусам. А вот там по правому берегу тянулась аккуратненькая аллея с деревьями, ветви и стволы которых были перевиты гирляндами с белыми лампочками. Под деревьями в гранитной набережной были сооружены крошечные квадратные прудики с красными карпами. Прудики соединялись канальчиками, что давало возможность огромным рыбам переплывать из одного насиженного местечка в другое.

Ночь, а деревья не спят над рекой.
Их одели в костюмы из горящих лампочек.
Красиво.
Молодежь тусуется,
поет под гитару, пробует брейк.
Но только не спится старым,
видавшим виды деревьям
над рекой.

Сейчас весь правый берег покрывал густой лес, а не те хиленькие деревца...

Ал снял с головы кожаную тесемку, позволяющую держать волосы в подобии самурайского пучка, помотал головой с длинными светлыми волосами.

Когда-то давно, шестнадцать лет назад, он, двадцатидевятилетний питерец, жил себе, не зная забот. Играл в компьютерные игры, тусовался с игровиками и инсталляторами, занимался конным спортом, дзюдо, учился владеть холодным оружием. И мечтал, страстно меч-

тал оказаться однажды в Японии начала семнадцатого века, в период становления третьего сегуната *Эдо бакуфу* – сегуната великого Токугава, о котором писал в свое время Джеймс Клавелл.

Говорят же – бойтесь желаний своих, ибо они исполняются. Впрочем, Ал не боялся. Не боялся брать у мужа сестры сомнительный эликсир, якобы способный перенести его в эпоху своего кумира, не боялся затем делать первые шаги в этом мире. На шее его висел амулет с обратным билетом, поэтому он не боялся почти ничего.

То есть, наоборот, теперь, когда Ал обжился и привык в Японии, он боялся как раз возвращаться. Он любил и был привязан к своей растолстевшей от частых родов жене Фудзико, обожал четверых детей, двое из которых были его родными.

Боялся оставлять их одних, боялся, что кто-то, видя его счастье, может попытаться разрушить его. Смертельно боялся за жену, когда вдруг начались преждевременные роды, и тройня застряла у нее поперек живота. Тогда, ходя вокруг дома и пытаясь по отдельным звукам понять, что же у них там на самом деле происходит, Ал мучительно страдал оттого, что больно ей. В этот момент он с охотой поменялся бы местами с любимой женщиной, но Бог – ни японский, ни русский – не дал ему такой возможности.

Потом вышел замковый доктор и предложил выбрать из двух одинаково ужасных вариантов один: либо он достанет детей из чрева, разрезав их внутри на куски, и спасет этим самым Фудзико, либо вскрыет ей живот и вытащит еще живых детей, но тогда уже не будет возможности спасти любимую.

Умирая от жалости к еще не рожденным, но уже таким дорогим им детям, Ал все же приказал спасать любимую женщину. И, чудо, по кускам удалось вытащить только двоих первых девочек, третьего, пацана, доктор аккуратно повернул, после чего Амакаву благополучно появился на свет божий, а Фудзико осталась жива.

С тех пор они стали жить всемером, не считая слуг и частенько наведывавшегося проводить внушек и правнуков деда Фудзико и Тахикиро Хиромацу. Семеро – это он сам, Фудзико, старший приемный сын Минору, дочка Гендзико (оба ребенка на самом деле дети Фудзико от первого брака, официально его дети), дочка Марико, сын Амакаву и наложница Ала и одновременно с тем сводная сестра Фудзико Тахикиро. Крепкая и дружная семья.

Еще один ребенок, родившийся на следующий год после Марико, умер в младенчестве. И о нем почти не вспоминали.

Ал отлично знал, что готов жизнь отдать за своих домашних, и даже за старого брюзгу и убийцу каких мало Хиромацу, но одновременно с этим он не переставал думать о возможности возвращения.

Глава 4

Сад наслаждений

Самурай может быть образцом смелости на поле боя, но к чему он при дворе, если не умеет держать себя в обществе и не знает правил хорошего тона?

Токугава-но Дзатаки. Из записанных мыслей

Госпожа Осиба склонила красивую головку на грудь спящего юноши. Ее новый любовник был поистине прекрасен, стройный и обворожительный, точно женщина, *вакасю*⁶ обладал потрясающим голосом и исполнял женские роли в театре Кабуки. Осиба погладила нежную кожу юного красавца, устраиваясь удобнее. Прошлая ночь была волшебна, и они творили настоящие чудеса. Светила луна, благоухали пионы под окном, в саду пели птицы, а в соседнем домике спала ее крохотная дочь, которую не могли не привлечь доносящиеся из беседки звуки.

Когда госпожа Осиба была маленькой, она всегда подсматривала за матерью и старшими сестрами. А смотрела ли Юкки? В какой-то момент ей показалось, в домике напротив кто-то подвинул *амадо*, но она не была уверена. Ночь любви могла заставить маленькую больную Юкки выбраться наконец из своего чудного сна, проснуться и вновь стать нормальным ребенком.

Нет, Осиба выругала себя. Нельзя думать о Юкки как о ненормальном ребенке. Нет, ее Юкки не дурочка, не умалишенная. Она заколдованная принцесса, которую обязательно расколдуют не сама мама, так какой-нибудь святой человек, к которым Осиба время от времени возила Юкки, но пока все было безрезультатно.

А ведь еще совсем недавно, буквально два года назад Юкки была таким красивым и живым ребенком! Такой красивой, что многие считали, что вскоре она перещеголяет родную мать.

Госпожа Осиба вздохнула. Теперь уже немудрено и перещеголять, после несчастья с дочерью она потеряла почти половину своих некогда роскошных волос, утратила сон и аппетит, была вынуждена покинуть свет и уединиться с маленькой Юкки в отдаленном имении мужа.

Нет, несмотря на свои сорок семь лет, она все еще блистала красотой и о ней помнили как о возлюбленной самого Тайку и матери его наследника Хидээри. Ее муж Дзатаки, которому после отъезда любимой жены хоть и пришлось делить ложе с многочисленными наложницами, до сих пор был неравнодушен к Осибе. Время от времени навещает ее или просит приехать хотя бы ненадолго в Эдо, где он должен был находиться вблизи своего брата сёгуна Токугава-но Иэясу.

При воспоминании о сыне Осиба невольно сжалась, чуть было не разбудив любовника. Ее сын, ее ненаглядный Хидээри так и не получил наследство своего великого отца, а ее нынешний муж не мог поднять мятеж с целью возвращения власти сыну Тайку, так как дал клятву сёгуну Токугава-сан, став его преданным вассалом.

Не мог помочь и орден «Змеи», в котором госпожа Осиба состояла с самого детства. Не хотел помочь сыну Хидээри, так как считал его недостаточно сильным и способным удерживать власть в своих руках, и не мог или не хотел помочь последней надежде Осибы – Юкки.

⁶ *Вакасю* – похожие на девушек юноши (театральные представления Кабуки).

Впрочем, с орденом всегда было непросто общаться, они выходили на связь когда хотели сами, и что бы ни делала Особа, ей не удавалось по своему желанию выманить их на разговор, а как бы славно было. Хотя воины «Хэби»⁷ могут оказаться где угодно, в любой провинции, под любым именем, под любой личиной. А значит, почти невозможно предположить, что они не знают о несчастье, постигшем девочку из правящей династии. Возможно, они чего-то выжидают, у них пока нет возможности вмешаться или их посланцев следует ожидать с минуты на минуту.

Особа услышала шаги в саду и поняла, что служанка готовит ванну для Юкки. Особа не боялась оставлять дочь одну, так как ее личная служанка спала на пороге домика, в котором постелили на эту ночь Юкки.

Одна мудрая монахиня, к которой Особа возила дочь, предположила, что девочку могли бы пробудить к жизни прекрасные вещи, такие, от которых замирает сердце и хочется плакать, смеяться, хлопать в ладоши или танцевать. Девочку следовало поразить чем-нибудь необыкновенным.

Поразмыслив над советом святой женщины, Особа пришла к выводу, что такое лекарство могло бы действительно излечить Юкки, после чего мать начала приглашать в дом известных музыкантов и танцовщиц, садовники наполнили сад изумительными цветами, и легкокрылые бабочки, разведенные здесь китайским мастером садов, порхали с цветка на цветок, вдруг раскрываясь перед глазами изумленных людей, сверкая лазурью своих огромных крыльев. В ручейках плескались золотые и алые рыбы, и черные черепахи высовывали свои змеиные головы из воды в поисках подачки.

Несмотря на то что Особа уже месяц как жила во всем этом великолепии, ее сердце то и дело замирало при виде прекрасного цветка или севшей на рукав кимоно стрекозы с огромными глазами и прозрачными крыльями. Ее душа то взлетала к небесам, то толкала прекрасную женщину писать любовные стихи, но вся эта красота, все эти чудеса совершенно не трогали маленькой девочки, для которой собственно и затевалось все это.

Юкки жила в этом чудесном месте не видя, не понимая, не осознавая окружающей ее красоты. Ее хорошенькое личико оставалось безучастным и к изысканным лакомствам, и к роскошным шелкам кимоно. Ее не радовала музыка, не интересовали танцовщицы, не забавляли представления театра. Ее вообще ничего не интересовало в этом мире. Да и видела ли она что-нибудь из того, чем окружила ее любящая мать?

Два года в этом аду. Два года с дочкой, больше напоминающей роскошную дорогую куклу, чем шестилетнего ребенка. Особа была в отчаянии.

Два года назад, когда она и Юкки отправлялись в храм Канон на Белой горе, на них напали разбойники. Мать и дочь ехали в одном паланкине, и Особа пыталась закрыть собой девочку, мешая ей разглядеть происходящее. Но Юкки все равно все видела. Один за другим падали их самураи, сраженные разбойниками. Их паланкин сначала несколько раз тряхнуло, после чего он завалился на землю и загорелся. Мать вытащила дочь, и вместе они бросились к ближайшей канаве, откуда и наблюдали за происходящим.

Двое самураев из их личной охраны бились около брошенного паланкина, который вдруг запылал, отменяя ночь. Особа слышала, что это родные братья, должно быть, от этого их движения и казались такими слаженными и точными. Один наносил разящий удар сверху вниз, и другой тут же прикрывал его, обрушивая свой меч на подоспевших негодяев, носильщик попытался бежать, но получил стрелу между лопаток, другие валялись под кустами, в ужасе глядя на картину побоища. Начальник охраны, стоя посреди поля боя, отстреливал ронинов из лука, Особа пожалела, что рядом с отважным героем нет никого, кто мог бы прикрывать его щитом.

⁷ Хэби (яп). – змея.

Где в этот момент были их служанки, Осиба не знала, да и не хотела знать.

Один из разбойников обошел мать и дочь с тыла, метнув в них пику, но в последний момент один из братьев ловко прыгнул к ним, успев принять смертельный удар на себя. В это же время пораженный смертью брата самурай пропустил удар меча, разрезавший его живот. Осибе показалось, что она слышит, как вывалившиеся кишки шлепнулись к ногам смертельно раненного охранника.

В этот же момент их начальник охраны был сражен стрелой в спину. Он беспомощно выгнулся, пытаясь вытащить острое, но ему это не удалось. Отчаявшись справиться с настигшей его бедой, самурай выпустил в разбойников еще две стрелы, после чего упал в дорожную пыль.

Казалось, что уже ничто не сможет спасти их, когда вдруг неожиданно на помощь пришли самураи клана Касиги, совершающие ежевечерний обход территории. Кто-то помог Осибе подняться, не веря в собственную удачу, она прижимала к сердцу, как ей казалось тогда, сомлевшую от страха четырехлетнюю дочь. Их вместе с уцелевшими самураями и двумя служанками доставили во владение Касиги, к тогда еще здравствующему Ябу-сан, где они могли отдышаться и провести время, пока муж Осибы Дзатаки не придет за ними.

Всю дорогу Осиба несла девочку сама, не доверяя никому свое сокровище и не чувствуя усталости. Когда они вошли в просторную залу, и обступившие Осибу служанки приготовили *футон*⁸ для малышки, девочка впервые открыла глаза, но не произнесла уже ни единого слова, не узнала матери.

Осмотревший Юкки местный доктор не обнаружил никаких видимых повреждений и предположил, что девочка вскоре оттает сама собой, но вот уже два года, как Юкки оставалась прежней – замороженной или заколдованной. Она ходила, когда ее брали за руку, ела, когда кормили, покорно позволяла одеть или помыть себя, но при этом ее хорошенькие глазки оставались пустыми и безучастными, ручки были холодными, а в крошечном тельце, казалось, еле-еле теплилась жизнь.

Напрасно монахи возносили молитвы Будде, напрасно колдуны пытались извлечь ее душу из бездны, куда та угодила, девочка так и не очнулась для жизни и счастья.

Теперь Осиба пыталась всколыхнуть разум дочери по-другому, каждую ночь она приглашала к себе юношей, с которыми она и ее служанки переплетали ноги, музыка перемешивалась с любовными стонами, страстный шепот переходил в крик, услышав который кошки начинали интенсивно флиртовать друг с другом, рыбы и черепахи высывали свои удивленные морды из озера, а ночные птицы слетались на крыши, наблюдая за хитросплетением ног, танцев на *футонах*.

И одна только маленькая девочка продолжала хранить ледяное молчание, по-прежнему не видя и не слыша ничего вокруг.

⁸ *Футон* – одеяло.

Глава 5

Голова на мосту

Однажды к Будде пришли философы, которые прослушали его проповедь и остались очень недовольными услышанным.

– Почему вы не коснулись в своей проповеди вопросов устройства мироздания или того, что есть пустота и что есть путь? – спросили они у Будды.

– Когда вас укусит змея, вы будете выяснять, откуда пришел к вам врач, где жила змея и как принято лечить змеиные укусы в других странах? – спросил Будда.

– Конечно нет! И кто поступает так, тот скорее всего умрет! – ответили ему.

– Все люди отравлены, – печально ответил Будда.

Из историй даймё Кияма. Взято из сборника притч «Для воспитания юношества»

Распознавшись с Кияма, Такеси выбрался из замка и направился к себе домой. На самом деле он мог заночевать и в самом замке, где у него были две крохотные комнатки, но сегодня он спешил как никогда остаться наедине со своими мыслями.

Дома не было еды, да и служанка, должно быть, уже сделала уборку и ушла к своему полюбовнику гончару, но Такеси не волновали такие мелочи, как голод.

Он спешил, бежал прочь из замка, так что рукава его кимоно развевались по ветру.

Машинально он раскланивался со знакомыми, отвечал на приветствия и снова спешил, бежал без оглядки, прося Будду и Христа лишь об одном, чтобы те помогли ему как можно скорее покинуть эти места и остаться совершенно одному наедине с собственными мыслями.

Когда Такеси бежал через мост, на нем начали было ссору два служивших в замке самурая, оба в голубых кимоно с белыми крестами⁹, они уже обнажили клинки и встали друг напротив друга в угрожающих позах, когда мимо них, громко топая деревянными *гета*¹⁰, пробежал сухопарый старик в развевающемся на ветру кимоно и смешно выныривающими из-под него тощими коленками.

Зрелище так увлекло одного из драчунов, что он, забыв обо всем на свете, обернулся, разглядывая странную, смешную картину. Мгновение, и его голова продолжала ухмыляться, гулко стукнувшись о доски моста и покотившись в сторону бежавшего Такеси, словно все еще продолжала любопытствовать, с чего это обычно такой степенный секретарь самого даймё нынче ведет себя точно умалишенный.

Такеси невольно подпрыгнул, перескакивая через голову, и, буркнув что-то себе под нос, побежал дальше, немало не беспокоясь о все еще стоящем с окровавленным мечом убийце.

Тот же не нашел ничего более уместного, как вежливо поклониться секретарю, пробормотав традиционные слова приветствия.

Меж тем к мосту уже спешила стража, но даже это не заставило Такеси остановить свой сумасшедший бег. Перебежав через мост и сунув пропуск под нос начальника стражи,

⁹ Кимоно самураев приблизительно в это время начали украшать родовыми гербами их господ. Но даймё, принявшие христианство, вместо своих родовых гербов ставили на одежду своих слуг кресты.

¹⁰ *Гета* – деревянная обувь, похожая на табуретку.

Такеси закашлялся и, привалившись к будке стражников, потребовал немедленно вызвать для себя паланкин. Обычный паланкин, в котором он мог бы немедленно отправиться домой.

При слове «обычный» лицо начальника стражи просветлело, и он тут же велел растолкать носильщиков, чтобы немедленно доставить высокого начальника, куда тому заблагорассудится. Дело в том, что в распоряжении стражи на тот момент был как раз только самый обычный паланкин, в то время как секретарю великого даймё, без сомнения, полагался паланкин парадный, украшенный христианским крестом Кияма и синтоистскими охранными надписями. И приказы Такеси-сан подать ему роскошный паланкин, начальнику стражи пришлось бы несладко.

Забравшись в паланкин, Такеси плотно задернул занавески, оставшись наконец наедине с самим собой.

Вокруг слышались привычные для этого времени суток уличные звуки. Расхваливали свои товары торговцы, зазывалы приглашали горожан посетить дешевые чайные домики, звенели струны *сямисэна*¹¹.

Такеси обхватил голову руками, пытаясь слиться с мирным покачиванием, равномерным стуком шагов и представляя себя сидящим в ореховом *додзё*¹² дворца, зал, который он особенно любил.

Без всякого сомнения, следовало успокоиться и все как следует обдумать.

Итак, сегодня был очень насыщенный день, одна новость громоздилась на другую, и Такеси следовало разобраться, какая из них более важная и нужная в данный конкретный момент. Он продышался, слегка успокоив сердцебиение.

Итак, господин оказался фальшивкой. Это первое, что сейчас следовало принять. Кияма Укон-но Оданага, господин Хиго, Сацумы и Осуми, член Совета регентов Японии из династии Фудзимото, глава даймё-христиан Японии оказался самозванцем, которого следовало сдать властям, с тем, чтобы последние могли судить его и казнить.

Такеси кивнул своим мыслям. Получалось, что теперь его первейший долг – написать донос сегуну или принцу.

– Но если меня вызовут в суд, как я докажу там свою правоту? Мое слово против слова этого лиса-оборотня. Кому поверят? Ясно кому – лже-Кияма и поверят. – Такеси сжал единственный кулак. – Бесполезно. Кто станет слушать старого калеку, у которого нет никаких доказательств, кроме его самурайского слова? Что делать? – Такеси напрягся, стирая с лица выступившую испарину, за закрытыми занавесками становилось душно. – А кто помогал лже-Кияма занять место настоящего господина? Орден «Змеи». Вот если бы изловить несколько «гадов» и допросить их с пристрастием, явно кто-нибудь проболтается о том, что произошло на самом деле в доме Фудзимото. И тогда проклятый оборотень не избежит справедливой кары.

И тут Такеси застонал, словно от боли. С новой убийственной силой до него дошло то, во что он не посмел поверить, находясь вблизи фальшивого Кияма, то, что он убил своего природного господина, которому служили семь поколений его, Такеси, предков.

Много лет Такеси благословлял Будду и ставил свечи в христианском храме Христу за то, что те спасли от лютой смерти Кияма. За то, что они не позволили его слепой ненависти погубить молодого господина.

Такеси снова застонал, не в силах справиться с охватившим его отчаянием.

– Господин погиб из-за меня! Не просто из-за меня. От моей руки, будь она проклята!!!

¹¹ *Сямисэн* – трехструнный музыкальный инструмент.

¹² *Додзё* – зал для медитации и для упражнений в традиционных самурайских воинских искусствах.

Неожиданно паланкин остановился, носильщики аккуратно поставили его на землю, один из них отодвинул занавеску и осведомился, не заболел ли господин? Должно быть, Такеси вскрикнул так громко, что его услышали на улице.

– Все нормально, живот немножко крутит, – нашелся Такеси, вновь сделав непроницаемое лицо. – Поторапливайтесь, ребята, да смотрите, не уроните меня, а то плохо вам всем будет.

– Не извольте беспокоиться, до вашего дома рукой подать. – Паланкин качнулся, носильщики быстро водрузили его себе на плечи, и вскоре Такеси снова слышал равномерный стук их соломенных сандалий.

Остановившись у дома Такеси, носильщики помогли секретарю выбраться из паланкина, после чего один из парней осведомился, не нужно ли вызвать доктора, и, получив отказ и несколько мелких монет, ребята откланялись и убрались прочь.

Пустой дом встречал Такеси недружелюбно задвинутыми внешними седзи *амадо*. Уходя, служанка всегда закрывала их, дабы не искушать воришек.

У порога Такеси сбросил *гэта*, даже не подумав поставить их на специальную полочку. В одних носках *таби*¹³ он прошел в дом, где первым делом разобрался с амадо, открыв их и давая доступ свежему воздуху.

Теперь можно было обдумать создавшееся положение. Конечно, после того как Такеси признал, что убил господина, ему оставалось покончить с собой. Но если он покончит с собой прямо сейчас, никто не узнает о чудовищном заговоре! И фальшивый Кияма продолжит занимать место главы династии Фудзимото. И именно этого старый Такеси никак не мог допустить.

Следовало раскрыть заговор, узнать имена всех «змей» и передать их властям. А для этого Такеси, хочешь не хочешь, придется продолжать жить, изображая из себя верного слугаку, секретаря и помощника.

Такеси поморщился от такой перспективы, но был вынужден признать, что это лучшее, что он сможет сделать. Только работая над тайной книгой Кияма, у него появится возможность выяснить имена всех заговорщиков, проникнуть в суть их измены, вызнать, кто из владетельных даймё еще, кроме рода Фудзимото, растит в своих семьях коварных змеенышей.

И тут Такеси осенило: ведь как раз об этом и собирался поведать ему лже-Кияма, он хотел рассказать о каком-то человеке, прибывшем из далекого будущего, который явился в Японию для того, чтобы повлиять на ход ее истории. Человек, по всей видимости, более значимый для ордена «Змеи», нежели сам фальшивый Кияма. Человек, способный изменить самую Японию!

Такеси задохнулся, представляя масштаб заговора, который ему предстоит раскрыть.

Даже если проклятый Кияма и разгадает раньше времени его план, день за днем он будет переписывать страницы новой книги подменщика и передавать их надежному человеку, когда же Кияма прикажет арестовать старого секретаря, его единственная рука сумеет упредить супостата, нанеся ему сокрушительный удар, или он убьет себя. Как убьет? Об этом Такеси подумал заранее, нет, он не тешил себя мыслью, что ему дадут время совершить *сэппуку*, разрезав себе живот, как это принято у мужчин, поэтому год за годом тренировался, как с быстротой молнии проткнет себе горло, как это делают женщины.

Пусть такая смерть для мужчины и самурая будет менее почетной, но все же это лучше, чем сгинуть в пыточном подвале замка.

Теперь Такеси был почти что счастлив. Он расстроит планы ордена «Змеи», раскрыв их заговоры, и тем самым хотя бы немного сможет оправдаться перед своей совестью за убийство господина.

¹³ Таби – очень плотные носки, в которых большой палец находится отдельно от остальных.

Главное теперь делать вид, будто бы ничего не произошло, помогать лже-Кияма, записывая под диктовку его признания. Главное, узнать имя главного шпиона в Японии. Не известного никому и опасного члена ордена «Змеи».

Глава 6

Дорога к саду камней

*Если хочешь получить просветление, тебе придется прыгнуть.
Просветление приходит мгновенно. Если разбежаться и прыгнуть,
есть шанс перелететь через пропасть, хотя можно и упасть в нее.
Придется рискнуть.*

*Ведь если ты не перепрыгнешь пропасть, как ты собираешься
перейти ее мелкими шагами?*

Тогда Хиромаци, писано в 1610 году в Эдо

Идею вылечить Юкки, показывая ей лучшие из известных и знаменитых садов камней, высказал настоятель дзенского монастыря Канон, господин Дзагару, находящегося недалеко от усадьбы, в которой Токугава Осига жила теперь с дочкой.

– Странно, почему именно сады камней? – попыталась ухватиться за слабую надежду госпожа. На самом деле ей было необходимо встретиться с несколькими даймё, которые вполне могли поддержать войну ее старшего сына против власти сегуната, а расположенные в известных монастырях сады, как всем известно, наилучшее место для таких встреч. Неужели старый Дзагару-сан каким-то образом пробрался в ее тайные думы и теперь пытается подстроить Осиге хитроумную ловушку. – Почему именно сады камней?

– Дело в том, что настоящий сад камней содержит в себе целую вселенную. – Настоятель лучезарно улыбнулся посетительнице, отчего той вдруг показалось, что даже его бритая голова вдруг засветилась, подобная полированному шару. Вообще настоятель нравился Осиге, нравились его оранжевые шелковые одежды, и золотистая, вечно лоснящаяся кожа, которая казалась бы уродством у кого угодно, но только не у этого невысокого, шустрого человечка с мечтательными рыбьими глазами и тощими, вечно суетящимися ручонками. Казалось, что Дзагару-сан рос только до тринадцати, четырнадцати лет, после чего вдруг сразу же стал старым и святым. Впрочем, Осига прекрасно знала историю монаха, который прежде служил Тайку, курируя шпионов и контролируя работу доносчиков в Осаке.

Когда-то его слава гремела, и многие поговаривали, что вскоре доход начальника шпионов превысит десять тысяч коку, после чего нечестивцу придется кланяться, точно природному князю. Но чуда не свершилось, сначала умер Тайку, и куратор доносчиков поступил в распоряжение коменданта осакского замка господина Исида, и затем, когда в 1603 году император назначил Токугава Иэясу сёгуном, Дзагару-сан был вынужден бесславно оставить дела и удалиться в монастырь. Где он, правда, в самые короткие сроки получил сан настоятеля.

Впрочем, Осиге было безынтересно копаться в грязных делишках бывшего ищейки. При этом она регулярно отправляла подношения храму Канон, в котором он служил, и время от времени посещала сам храм или принимала у себя господина настоятеля.

– Да, сад камней хранит в себе вселенную, и если мы сумеем достучаться до вашей прелестной дочери, и она примет в себя сад, вместе с ним она примет в себя целую вселенную. – Какое-то время оба молчали. Каждый думал о своем, а на ветках карликового клена заливалась невидимая глазу птица.

– У нас в Японии сады камней впервые появились в префектуре города Нара в шестом-седьмом веках. – Он называл даты на европейский манер, как со времени начала правления Токугава вошло в моду. Кашлянув со значением, господин Дзагару продолжил: – Тогда как сама традиция разведения садов камней пришла к нам из Китая.

– Китай – весь мир, – прошептала Осиба, после чего слова настоятеля еще какое-то время звенели где-то вне ее, точно капли дождя по крыше. Не желая слушать более, Осиба продолжала вежливо улыбаться, время от времени кивая головой в знак согласия, а на самом деле удаляясь все дальше и дальше, закрываясь от собеседника семислойным занавесом.

Вчера ее муж Дзатаки прислал письмо, в котором просил оставить, наконец, Юкки на попечение преданных служанок или добрых монахинь и вернуться к нему в Эдо. При этом чувствовалось, что супруг теряет терпение, пытаясь по-хорошему вразумить жену, оставить больного ребенка с тем, чтобы продолжать жить с ним и поскорее родить долгожданного наследника, который привнесет смысл в их беспросветную жизнь и продолжит род.

Разумеется, от Осибы не укрылась тайная угроза, сквозившая из письма, как дыра, оставленная влетевшей стрелой. Дзатаки хочет получить мужского наследника, раньше говорил, что единственное его желание – иметь ребенка от нее, от любимой женщины, теперь, когда он стареет... а она, законная жена, проводит время в их поместьях, Дзатаки не теряет времени, вокруг него полно ловких, наглых, готовых пойти на любую подлость, лишь бы сделаться матерью наследника Дзатаки-но Токугава, брата и правой руки самого сегуна, баб. «Не глупи, Осиба!» – кричал за правым плечом ее личный ангел-хранитель. Орал так, что уши закладывало. Но не доорался же.

Привычным движением Осиба отстранилась от ангела, желавшего ей только добра, но тот еще успел предостеречь ее, мол, была уже красавица Осиба наложницей самого Тайку и матерью его наследника. Жаль, просчиталась, отец умер рано, ребенок родился поздно, так поздно, что не успел войти в возраст, чтобы принять под свое крыло все, что собрал для него, воюя за каждый жирный или худой кусок, незабвенный Хидэёси – Тайку.

Потом судьба снова улыбнулась ей, или ангел-хранитель, всесильный кудесник, подсобил, наслал на брата Токугава-но Иэясу любовный дурман. Как наслал? Зачем? Осиба ни сном ни духом не знала, не ведала. Да только вновь повезло ей выйти замуж за второе теперь уже лицо в государстве. Родить ему дочь, прекраснее которой свет не видел, и теперь...

По уму, теперь же следовало надавать по щекам служанкам, чтобы ленивицы быстрее собирали ее пожитки, накричать на вечно полусонных носильщиков, забраться в паланкин и лететь к своему законному супругу, пока одна из его сук не оценилась долгожданным приплодом. Пока не отняли у нее право называть себя единственной женой и любимой женщиной Дзатаки.

Все так и следовало делать, а не ставить на кон свою уже раз разбитую и собранную по частям жизнь. Но отказаться от Юкки! При одном воспоминании о проклятом письме Осибу пробивал озноб, а руки непроизвольно сжимались в кулаки. Оставить дочь, как неудачную попытку счастья, чтобы вновь оказаться в его постели! Чтобы рожать ему других – здоровых детей! Чтобы улыбаться и больше уже никогда не вспоминать о несчастном ребенке?! О заколдованной девочке?! О маленькой Юкки, дороже которой у прекрасной Осибы не было никого на целом свете.

Осиба так побледнела, что настоятель был вынужден чуть тронуть ее за плечо.

– Что-нибудь не так, Осиба-сан? – участливо поинтересовался он, снизу вверх заглядывая ей в глаза.

– Простите меня, это солнце... – Осиба попыталась было раскрыть веер, но он неловко соскользнул со шнура и полетел на землю. Настоятель оказался проворнее, подхватив драгоценный веер, он вернул его прелестной хозяйке, незаметно дотронулся до ее пальцев. Рука прекрасной Осибы была холодна, точно лед.

Через пару дней они собрались в дорогу, так как госпожа Осиба уверяла, что совершенно здорова, и господин Дзагару посчитал за честь сопровождать ее в путешествие по своим самым любимым садикам. Почему не тронулись в путь сразу же? Глупый вопрос – ну

надо же было дать шанс гонцам доставить как можно быстрее письмо с нижайшей просьбой о встрече нужным людям.

В паланкине супруги даймё Токугава-но Дзатаки хранились две шкатулки с дарами, которые Осиба собиралась передать храмам, в которые они явятся на поклонение богам. Кроме того, самураи тащили несколько рулонов замечательной шелковой ткани, которая должна была порадовать строгих настоятелей, чьего расположения желала добиться прекрасная паломница.

К радости Осибы, старый монах не вел себя с маленькой Юкки, как с больным ребенком, как раз наоборот, вместо того чтобы спокойно ехать в своем паланкине, Дзагару-сан шел рядом с паланкином, в котором сидели Осиба и Юкки, и, не сводя глаз с хорошенькой девочки, рассказывал о садах камней.

Юкки глядела сквозь монаха погасшими глазами, но, казалось, каким-то образом слышала его. Несколько раз Осибе почудилось, что девочка даже кивнула монаху, так, как будто пыталась участвовать в разговоре.

– Поначалу «сады камней» разбивались вокруг естественных озер, иногда они включали в себя похожие на зеркала рисовые поля, – учил он Юкки. – Маленькая госпожа знает, что зимой божества обитают в горах, а летом поддерживают своей силой рис? – Он весело рассмеялся и состроил Юкки рожу. Но девочка осталась безучастна.

– Существует несколько школ построения садов камней, – продолжал как ни в чем не бывало настоятель. – Одна из старинных рукописей, дошедших до нас, утверждает, что сад не сад без горбатого китайского мостика, лучше нескольких, и скальной насыпи, символизирующей гору Сумэру! – Настоятель вдруг защелкал соловьем, бросая уморительные взгляды на безучастную малышку. И, встретившись глазами с Осибой, продолжил, весело семеня рядом с паланкином: – Когда в Японии появился буддизм, эталоном красоты начали признавать неяркую, как бы подернутую дымкой красоту, нежную, точно сон, и естественную, как небо, солнце, крылья бабочки. – Он отвлекся на секунду, пытаясь поймать соломенной шляпой *кумагаи* голубую в крапинку бабочку *омурасаки*, как раз в этот момент вздумавшую кружить вокруг старого монаха и даже усевшуюся на его посох. – Причем высшие идеалы красоты и гармонии мастера искали именно в природе и ее единении с человеком, – закончил он фразу, в каком-то изумительном прыжке достигнув наконец цели и сцапав беззащитное насекомое. – Маленькой госпоже, – пояснил он, раскрывая ладонь перед безучастной Юкки и выпуская на волю лазурную бабочку, одну из тех, которые, согласно легенде, способны сотворить целый мир. – Ведь это только так считается, что мир сотворил бородастый или, наоборот, бритый мужчина, очень ему это нужно. Мир иллюзий сотворила движением своих крыльев, постоянным неуловимым перелистыванием своих волшебных крыльев, словно страниц летящей, невесомой книги, крошечная бабочка *омурасаки*.

Когда по глазам вдруг хлестнула легкокрылая лазурь, вылетевшая из рук маленького монаха, у Осибы екнуло сердце, а один из носильщиков подвернул ногу, отчего паланкин резко дернулся, теряя и тут же восстанавливая равновесие.

– Здесь дорога достаточно широкая, и вы могли бы сесть в свой паланкин, – вежливо предложила Осиба, когда их наконец перестало болтать и носильщики остановились, опустив его на землю и спешно подзывая смену. – Здесь мы могли бы проехать рядом, не прерывая столь замечательной беседы.

– Ваша правда, ваша правда, ах ноги, ноги... – засуетился Дзагару-сан, после чего он велел носильщикам подать его паланкин. Отодвинув задние шторки, Осиба увидела, как к ним приближаются четверо новых носильщиков. Тело уже достаточно занемело от долгого сидения, поэтому Осиба решила немного размяться.

Выбравшись из паланкина, мать и дочь присели у дороги пописать, и настоятель встал рядом с ними, распахнув полы кимоно и отодвинув набедренную повязку, он извлек оттуда

тщедушный членчик и, нимало не смущаясь скудностью своего орудия, пустил веселую золотистую струйку. Лицо его при этом сделалось мечтательным, тем не менее, даже писая, он ни на секунду не останавливал свой увлекательный рассказ.

— Благодаря философии буддизма, менялись не только рисунки на кимоно и прически придворных дам, менялись не только стихи, но и облик садов! — Закончив писать, настоятель вернул на место набедренную повязку и, запахнув кимоно, весело подмигнул все еще тужившейся девочке. — Рядом с насыпью появились три камня, — доверительно сообщил он красной от напряжения Юкки, — большой, средний и малый, символизирующие буддийскую триаду — их наличие делало сад не просто местом времяпрепровождения, но и способствовало медитации. Что же вы, дети мои, все не насретесь, да не насретесь! Даже совестно, — обратился он наконец с назиданием к присевшим в нескольких шагах от господ носильщикам и охранникам. — стыдно смотреть. Господа давно уже сделали свои дела, а слуги гадят так, словно едят в несколько раз больше, нежели благородная супруга даймё! Или настоятель храма Канон! — Он состроил озабоченную гримасу. — Нехорошо, дети мои. Нехорошо в присутствии тщедушного старца хвалиться своей способностью к очищению организма, в то время как он заметно мучается геморроем. Хотя... молодость, молодость... — Он махнул рукой. — Отдыхать не будем, до города Нара, куда мы, собственно, и направляемся, каких-нибудь, — он посмотрел на небо, — два часа пути. Так что, детушки, не томите. Не успеете до захода солнца, придется заночевать прямо на дороге...

Глава 7 Амакаву

*Истинный самурай должен служить господину, не заботясь о своих нуждах, так, словно его собственное тело уже давно умерло.
Даймё Кияма, из книги «Полезные правоучения», рекомендованной для отпрысков самурайских семей в Хиго*

Прощание затягивалось, поочередно Ал поговорил сначала с пятнадцатилетней Гендзико. Должно быть, предвкушая разлуку с отцом, девочка могла по целым дням сидеть на берегу крошечного искусственного озера, тихонько водя кисточкой по листу рисовой бумаги. Тонкая, нежная и неизменно грустная Гендзико напоминала печального молодого лебедя, который не успел еще познать радость полета, а уже тоскует по чему-то призрачно утраченному.

Девочка писала стихи, и, как утверждал дед Хиромацу, весьма приличные стихи. Впрочем, Ал не планировал для дочери карьеру придворной дамы. Что же до настоятельных просьб Фудзико подумать о замужестве старшей дочери, он их и слушать не хотел. Ну, выскочит малышка в пятнадцать, следовательно, в шестнадцать или около того родит первенца, а потом пошло-поехало, каждый год по ребятенку, а в результате – истощение организма, болезни, преждевременная старость и смерть где-нибудь в возрасте тридцатника.

Второй, уже по традиции, к отцу подлетела Мариико, милашка, толстушка с вечно стоящими дыбом волосами и большим отцовским европейским, а не японским носом и битыми коленками. Рядом со строгой, прекрасной Гендзико девчонка как будто бы и не собиралась прощаться с буйным детством. Веселая и беззаботная, словно птичка, Мариико носилась по деревне с другими ребятами или скакала на коне рядом с наложницей Ала Тахикиро, которой тоже дома не сиделось.

Расцеловавшись с дочками, Ал велел им позвать всех домочадцев и слуг. Когда же все собрались и, поприветствовав хозяина дома, чинно расселись на подушках и просто на полу, Ал сообщил наконец, зачем звал.

– Как вы знаете, в горах появилась новая банда, которая нападает на крестьян и отбирает у них рис. Я не вмешивался, пока дело касалось только соседей, но вчера, как вы знаете, пострадали амбары наших крестьян.

Все согласно кивнули. Лица слушателей казались напряженными. Еще бы, земля принадлежит крестьянам, а все, что на ней произрастает, – господам. Стало быть, не защитишь крестьянские амбары, самому придется затягивать пояс.

– Поэтому я отправляюсь прямо сейчас на поиски разбойников, оставляя присматривать за нашими самураями Тахикиро-сан. – Ал повернул голову в сторону сидящей на пятках наложницы, и та с готовностью поклонилась ему, ткнувшись лбом в циновку.

В комнате становилось душно, и хозяйка дома была вынуждена отправить двоих слуганок полностью раздвинуть внешние ставни *амадо*.

– Да простит меня господин муж, но не хотите ли вы сказать, что вы отправляетесь один против целой шайки головорезов? – Фудзико смотрела на мужа, как на идиота, нервно покусывая нижнюю губу. – Хозяйка чайного домика в Йокогаме, мама Микаку, которая приезжала на прошлой неделе торговать у рыбаков двух красивых девочек – сестреночек-шестилеток, и зашла поприветствовать меня, рассказывала, что новая банда не похожа на обычных разбойников, что крадут все, что плохо лежит. – Фудзико обмахивалась бумажным веером с изображением рыбок, ее лицо взмокло от пота и сделалось красным. – Мама-сан, конечно, лично не видела этих новых разбойников, но несколько ее клиентов, которые видели их соб-

ственными глазами, рассказывали, что те одеваются в черные или темно-серые одежды, их лица и кисти рук замотаны тряпками, сандалии стертые до такого состояния, что их шагов совершенно не слышно. Кроме того, в отличие от местных головорезов, эти все на лошадях, которым они перевязывают морды, чтобы те не ржали в ночи. И заматывают копыта тряпками, чтобы шли тихо. Они нападают на деревни только в глубокой ночи, сразу же забираются в дом к старосте, и он уже отдает им весь запас риса, шелка и вообще всего, что только есть в деревне. Все знают, что старосте грех перечить. Вот все и слушаются.

– А если крестьяне откажутся отдавать рис по требованию старосты? – обгрызая ноготь среднего пальца, поинтересовалась Марико.

– Тогда их убьют, а кто же хочет быть убитым.

– Самурай не отдал бы разбойникам зерна, ведь рис – собственность господина! – перебил мать Амакаву.

– Все так, – Фудзико сокрушенно покачала головой, обижаясь на своевольного отпрыска, – но в том-то и дело, что крестьяне и самураи – это как день и ночь. – Она посмотрела на Ала, ища в нем поддержку, и вдруг сама смутилась тем, что первая перебила мужа.

– Я беру с собой десяток Хироши-сан, вместе с ним самим, – кивнув жене, продолжил Ал. – Остальные находящиеся в деревне самураи должны продолжать тренировки и охранять вас. Думаю, мы провозимся не больше пары недель, так что не стоит беспокоиться.

– Возьмите с собой хотя бы одного повара и пару массажистов, – не выдержала супруга, – кроме того, за две недели вам не один раз понадобятся услуги цирюльников и, возможно даже... – Но она не закончила, остановленная протестующими жестами мужа.

– Повара ладно, но все остальное... – Ал возмущенно повел плечами. – Я беру с собой самураев, а не разнеженных тростниковых женщин. Зачем нам массажисты и парикмахеры? Вы бы еще сказали взять с собой музыкантов и танцовщиц!

– Господин совершенно прав, – Фудзико отвесила поклон мастера словесных баталий, – самураю не достойно мечтать о роскоши, но он обязан думать о своем сюзерене. А вашему сюзерену Токугава-сан вы можете понадобиться в любой момент, причем живым и здоровым. Должно быть, господин еще не забыл, как мучился со спиной, после того как заснул в прошлом году на голой земле у ручья? Что же до цирюльника, то в городе или деревне самураи должны оставаться самураями. Тем более самураи господина!

При воспоминании о проклятом радикулите Ал поморщился.

– Хорошо, Фудзико-сан. Вы совершенно правы. – Кивнул он ей после минутной паузы. Ради нашего сегуна, ради даймё Токугава, которому я верно служу... В общем, давайте ваших массажистов и... – он затравленно глянул на молча торжествующую жену, – и цирюльников, что б их.

Отчего-то во всех словесных битвах неизменно побеждала она – внучка и дочка даймё, самурай из рода Усаги, его жена Фудзико.

Ал встряхнул головой, словно скидывая с себя овладевший им морок.

– Я собрал вас для того, чтобы объявить, что в мое отсутствие я поручаю наш дом и всех, кто в нем находится, заботам моего сына Амакаву. Вчера ему исполнилось тринадцать лет, и я хочу, чтобы все слушались его так, словно это мои собственные распоряжения.

Все согласно поклонились Алу и затем Амакаву.

Говоря это, Ал избегал встречаться глазами со старшим Минору, официально являющимся его приемным сыном и не имеющим права наследовать за Алом. Но на самом деле давным-давно уже ставшим дороже его родных детей. Много раз, ругая себя за то, что не в состоянии любить всех одинаково, Ал снова и снова ловил себя на том, что своим врожденным благородством, верностью и готовностью пожертвовать ради приемных родителей своей жизнью и честью Минору превосходит всех, кого он знал.

Это был удивительно красивый и статный шестнадцатилетний юноша, носивший два меча у пояса и уже принесший клятву верности своему сюзеру. С детских лет Минору был лучшим другом Ала, они вместе охотились, тренировались на плацу, брали коней и уезжали на всю ночь куда-нибудь к реке, где разбивали с самураями небольшой лагерь. Неизменно в отсутствие Ала Минору находился подле матери, помогая ей следить за младшими детьми и управляться со слугами, и вот теперь Ал невольно предавал своего лучшего друга, любимого, хоть и не родного сына.

Впрочем, Минору всегда знал, что все будет именно так. И наследником Ала окажется не он, а Амакаву. Знал и безропотно принимал это.

Когда Ал со свитой удалились, Амакаву толкнул плечом Минору, так, что тот качнулся, нечаянно ступив ногой в лужу.

– Какой же ты неуклюжий, Минору. – Он смерил брата презрительным взглядом. – Надо быть аккуратнее с хозяйским добром. Сначала *тзори*¹⁴ в грязи, затем кимоно... – Амакаву поцокал языком. – Вот что, братец, сдай-ка ты для начала оружие.

Минору побледнел, но подчинился. Отец был уже далеко и не мог вступить за него, к тому же Ал приказал во всем слушаться Амакаву. А значит, Амакаву теперь главный и, по японским законам, имеет право сделать с ним, Минору, все что угодно.

Нехотя он вытащил из-за пояса оба меча и с поклоном протянул их брату.

– Ты еще и не обучен хорошим манерам. – Амакаву торжествовал. – Встань на колени и протяни мечи так, как это и подобает слуге.

Минору опустил на колени и, не поднимая глаз на брата, протянул оружие. В груди его при этом горело, сердце бешено стучало. Точно пьяный он оставался какое-то время в коленопреклоненной позе, мечтая только об одном, не свалиться в обморок, опозорив себя.

– Что ты делаешь, Амакаву?! – наконец не выдержала Гендзико. – Зачем ты унижаешь Минору. Он самурай, а самурай не может показаться без мечей! Вот приедет отец, я ему все расскажу!

– Отец сказал, что теперь главный здесь я. – Амакаву прищурился, смакуя ощущение вседозволенности.

– Я все равно расскажу маме. – Гендзико невольно покраснела, ежась под взглядом брата и для чего-то сильнее запахивая на груди кимоно, словно хотела завернуться в него полностью, спрятать не только шею, но и голову.

– Мама мне не указ. – Амакаву рассмеялся, его колени начали дрожать, и это ему не понравилось. – А ты, Гендзико, пойдешь со мной. – Он облизал губы и, подойдя к девочке на негнущихся ногах, обнял ее за талию.

– Не трогай меня. Ты – недомерок! – Гендзико попыталась оттолкнуть брата, но Амакаву вцепился в нее, точно клещ.

– Я хозяин дома – ты должна мне подчиняться.

– Оставь ее! – Рука Минору инстинктивно скользнула к поясу – оружия не было. – Пожалуйста, Амакаву, не трогай Гендзико! – Минору сжал кулаки, все еще не решаясь поднять руку на вдруг обретшего божественную власть младшего брата.

– Не бойся, я не сделаю ей больно. – Амакаву отступил, увлекая за собой сестру. Рядом с высокой, тонкой Гендзико он выглядел как неказистый краб рядом с изящной рыбкой. – Вы все обязаны сохранять молчание. Никто не должен узнать, что сейчас произойдет. Это приказ, заслушание – смерть.

Марико заплакала, Минору подскочил к Амакаву и с силой вырвал из его рук плачущую сестру.

¹⁴ *Тзори* – плетеные сандалии.

– Покушение на сюзерена! – взвыл униженный Амакаву. – Я приказываю тебе, Минору Грюку, отправляться в казарму и сидеть там вплоть до дальнейших моих распоряжений! Понял?!

Амакаву хотел бы сослать брата в яму для преступников, но, как назло, Ал не держал в деревне никаких тюрем, так что пришлось ограничиться казармой.

– Отправляйся немедленно, или опозоришь свою семью и приемного отца во веки веков, – процедил сквозь зубы Амакаву.

Минору потоптался еще какое-то время на месте и был вынужден удалиться. Все его существо при этом протестовало. Следовало поднять шум, позвать Фудзико, отправить гонца вслед за отрядом Ала, но все это было вопиющим нарушением установленных правил.

Хотя что бы это дало? По опыту общения с Амакаву, Минору знал, что спорить с братом бесполезно. Что же до мамы, то отец сам передал всю власть в руки своему сыну, и попадись теперь Фудзико под горячую руку Амакаву, возможно, тот приказал бы обезглавить и ее.

Глава 8

Приказ

Перед боем сконцентрируй свое внимание на определенной цели. Заранее выбирай того, кого собираешься поразить или взять в плен. Он-то и будет твоей целью. Если влетать в сражение с готовностью сражаться со всеми, ничего хорошего не выйдет, ты потерпишь поражение.

Для тебя не должно существовать никого, кроме твоего противника. В этом залог неизбежной победы.

Тода Хиромацу. Секреты школы Голубого тигра

Испытывая душевные страдания от того, что вынужден оставить свою семью в час опасности, и еще от того, что идет по деревне без мечей, Минору как-то добрался до казармы, где забился в угол, стараясь предаться медитации.

Трещали цикады, от жары в домах были раскрыты не только внешние ставни *амадо*, но и внутренние *фусима*. Хотя даже это не спасало от духоты. Минору лежал на *футоне*, думая о том, что еще приготовит для него вдруг получивший неограниченную власть брательник.

«Ну и пусть я умру, – думал юноша, подложив под голову кулак. – Моя смерть докажет отцу мою преданность. Я сумею умереть с честью, не опозорив ни его, ни своего имени. Хотя поймет ли отец?»

Несмотря на то что Ал воспитывал Минору чуть ли не с его рождения, и юноша вполне привык называть отцом голубоглазого, как сиамская кошка, светловолосого иноземца, которого многие за глаза называли Золотым Варваром, он все же понимал, насколько сильно самурай и *хатамото*¹⁵ самого великого сёгуна Токугава, Арекусу Грюку, отличается от настоящих японцев. На самом деле отца звали Алекс Глюк, но практически никто в Японии не мог произнести иноземную букву «л», вот и получалось неблагозвучное Арекусу Грюку. В отличие от остальных, Минору произносил имя отца чисто, кроме того, знал английский и немного понимал родной язык отца, на котором тот обычно разговаривал, думая, что остался один. Знать родной язык своего приемного отца Минору считал делом чести, так как отец мог заскучать без родной речи, и тогда он, Минору, высказал бы перед ним свои скромные познания.

Отец же был действительно странным, например, будучи хорошим воином, он не любил лить человеческую кровь просто так. И в то время, когда другие отцы посылали своих детей тренироваться в искусстве отсекания голов, практикуясь на узниках, Ал отослал Минору учиться в Такамацу *Иаи*, так называемому искусству внезапного нападения. Дело, конечно, хорошее и с главой рода не поспоришь, но только в то время, когда друзья по играм уже отсекали головы своим первым собакам и воодушевленно посматривали в сторону пленников, он, Минору Грюку, еще и курицы не обезглавил!

При неприятном воспоминании Минору передернуло. Конечно, уважая рост Минору и его нехилое телосложение, никто не осмеливался сказать гадость ему прямо в лицо, но за спиной наверняка шептались.

В ночном воздухе носились похожие на крики чаек голоса стражи. По заведенному обычаю время от времени они громко окликали друг дружку. Причем, несмотря на то что сейчас семья Алекса Глюка жила в деревне, а самураи охраны привыкли дежурить на стенах

¹⁵ *Хатамото* – личный, особо приближенный слуга. Первоначальное значение – знаменосец.

замка, в деревне они не оставляли этого обычая, чинно прогуливаясь по чистеньким улицам с таким видом, словно дежурят на стенах неприступной крепости замка сера Глюка, на высоте самой луны...

Минору уже засыпал, когда сменившийся стражник разбудил его, потрепав за плечо.

– Минору-сан, Минору-сан, очнитесь, пожалуйста. Амакаву-сан приказал передать, что на второй день молодой луны вы должны совершить *сэппуку*.

Минору сел, протирая глаза. Но принеся дурную весть самурай не собирался исчезать, как это и положено странным или страшным снам.

– Амакаву хочет, чтобы я покончил с собой? – Минору попытался скрыть охвативший его ужас, но, по всей видимости, не смог.

Самурай сочувственно покачал головой. Теперь Минору признал его, это был молодой, недавно поступивший на службу к отцу самурай из весьма уважаемого рода, которого рекомендовал ему письмом сам даймё Кияма – глава даймё-христиан. Юноше было около двадцати, и он был последователем Христа.

– Я могу что-то сделать для вас? – Он казался смущенным и растерянным, пожалуй, не меньше, нежели Минору.

– Спасибо. Ничего. – На самом деле Минору хотелось потребовать, чтобы этот парень сейчас же, немедленно скакал к отцу, но такая его реакция на происходящее могла обеспечить и его, и принесшего весть самурая. Поэтому Минору решил смириться с судьбой и не пытаться искать спасения. – Пусть будет, что должно быть, – произнес он, отвернувшись к стене.

– Могу ли я хотя бы пойти к вашей уважаемой матушке, чтобы доложить о происходящем ей? – Самурай был явно озадачен отсутствием желания спасти себя. – Приказ, конечно, отдан, но формально он отдан не главой рода. Еще можно бороться, – попробовал он убедить Минору.

– Если бы заместитель вашего господина приказал вам совершить самоубийство, вы сделали бы это? – Лежа спиной к собеседнику, Минору было проще скрыть свои чувства.

– Конечно. – Самурай-христианин размашисто перекрестился, но это движение осталось незамеченным Минору.

– Отец говорил, что Христос не одобряет самоубийства.

– А мой отец говорит, что мы сначала японцы, а потом христиане, – высокомерно изрек самурай. – Мы молимся в католических соборах, мы исповедуемся и носим крест. Но при этом мы ничем не отличаемся от остальных верноподданных нашего императора и нашего сегуна.

– Отец еще говорил, что христианство не разрешает иметь наложниц и любовниц, что христиане не спят с мальчиками, что...

– Наш священник тоже говорил все это, но он еще добавлял, что никто и даже он сам не святы. Все мы грешим. И они грешат... – Он запнулся. – Так я, того, схожу к Фудзико-сан, или?..

– Спокойной ночи. – Минору не хотелось оставаться в одиночестве, но столь спокойно, чинно и благородно отпуская слугу, он был почти счастлив уже из-за того, что сумел в такой тяжелой ситуации сохранить свое лицо.

Глава 9

Тайная встреча

Просыпаясь утром, возноси молитвы тем богам, которые покровительствуют твоему господину, заметив твои старания, они наградят его, а он воздаст тебе.

Токугава Иэясу. Из книги «То, что должен знать истинный самурай»

– Но не все так просто в традиционных садах, как это кажется на первый взгляд, мало расчистить место, разложить камни, насыпать горки, провести живописные ручейки или вырыть пруд. Все это, конечно же, будет красиво и достойно восхищения соседей, но не стоит забывать, что хороший сад строился как храм, в котором не безразлично, с какой стороны света делать дверь и где размещать алтарь. – Настоятель помог Особе перебраться через ручеек, а затем бережно взял на руки Юкки. При этом казалось, что он обнимает не ребенка, а драгоценную вазу эпохи Минь, что некогда держал в руках сам основатель династии легендарный Хонг-Бу. От монаха исходила такая нежность, что на какое-то время Особе показалось, что эта энергия почти что материальна. Маленькая Юкки была словно укутана розовым облаком нежности. Ее глаза смотрели в глаза старого монаха с удивлением и любовью. Впрочем, это впечатление было обманчивым, девочка по-прежнему не видела и не слышала ничего вокруг себя.

– Самое древнее руководство по садово-парковой архитектуре Японии, известное нам, датируется одиннадцатым веком, – продолжил Дзагару-сан, поставив Юкки на землю и ласково погладив ее по щеке. – Его автор Татибана-но Тосицуна писал: «Чтобы обеспечить благополучие, вода должна протекать с востока, проходить под полом дома и уходить на юго-запад. Тогда воды Голубого Дракона смоят всех злых духов с дома и сада и унесут их к Белому Тигру». – Он показал в сторону домика, возле которого стояли два самурая, которые вежливо приветствовали настоятеля. – Для построения сада камней особо учитывалось месторасположение и включение его в общий ландшафт. Ведь сад должен был отражать картину мира, где камни символизировали горы, препятствующие нашествию злых духов. – Настоятель опустил на корточки перед Юкки, глаза его при этом светились задором. – Посмотрите, Юкки-тян, какие славные у нас тут горы, а вы – прекрасная волшебница, богиня, которая летает над этими горами. – Он простер руку в сторону небольшого овального озера. – Это великий океан, а извилистые ручейки – реки. Когда мы с сестрой были маленькими, мы играли в точно таком же саду, наш отец заказал мастеру скопировать этот сад. Мы играли в куклы, у нас были куклы императора и императрицы, придворных дам и самураев. – Говоря это, настоятель держал тоненькую ладошку Юкки в своих темных, шершавых руках. Его глаза, казалось, могли пронзить самое существо девочки до дна, высвечивая, выжигая притаившуюся в уголках ее души тьму.

Осиба напряглась, ожидая неизбежного чуда, но снова ничего не произошло.

Мимо них по ручейку с трудом протискивалась на мелководье крупная серая рыба. Она отчаянно загребала по дну плавниками, как безногий инвалид костылями, пытаясь перетящить через опасное место свое объемное тело.

– Сад должен был воспроизводить в малых масштабах космическую схему мироздания – мандолу. – Монах выдохнул и оторвал наконец взгляд от кукольного личика Юкки. Со страданием во взгляде он посмотрел на Особу. Та опустила голову, пытаясь сдерживать слезы. Жена даймё, невестка сегуна и мать наследника Тайку она не имела права показывать своих чувств при посторонних.

Дзагару-сан вздохнул и как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ, увлекая по дорожкам маленькую Юкки. На расстоянии от них следовали служанки и самураи охраны.

Осиба оглянулась, приметив неподалеку от озерца беседку, в которой угадывалась грузная фигура даймё Юя, сына покойного ныне члена Совета регентов даймё Оноси, с которым у нее была назначена встреча. Сразу же после того, как они вошли на территорию монастыря Дайбуцу, Осиба встретила с настоятелем, передав ему подарки. Старый пройдоха, которого Осиба знала еще девчонкой, как обычно принимал посетителей не поднимаясь со своего ложа, откуда, как поговаривали паломники, ему виден целый мир. Должно быть, не желая кланяться даже даймё, настоятель уже много лет притворялся тяжелобольным, тем не менее он всегда был безукоризненно вежливым и не отказывал приезжавшим к нему господам, особенно если те были щедры к монастырю и лично к нему, тайно встречаться в его садах, где подслушать их разговоры было практически невозможно.

Именно хворый, вечно лежащий на своей постели настоятель за чашечкой чая и богоугодной беседой и передал Осибе, что ее уже два дня как дожидается высокий гость, который, так же, как и она, вдруг возжелал поклониться святым местам, и вот как раз сейчас, помолившись в храме, он, должно быть, спустился во внутренний охраняемый садик, где практически в полном одиночестве, всего-то каких-нибудь два телохранителя, теперь медитирует где-нибудь у воды.

Нужно было под любым предлогом оставить ненадолго добрейшего настоятеля храма Канон господина Дзагару, Юкки и слуг, чтобы перебраться парой слов с Юя-сан.

– Сначала садики появились у императора, у его ближайших вельмож и, естественно, в монастырях. Но потом они начали возникать уже повсеместно. Садики с искусственными озерами вроде этого разбивались во внутренних садах домов, так что с улицы такие уголки красоты могли быть и незаметными. Обычно под садик отводились внутренние дворики, расположенные за стенами дома, огражденными крытыми переходами, и совсем незаметные для прохожих. У вас дома ведь тоже есть такой садик? Да? – Монах снова попытался завладеть вниманием девочки. – Раньше на такие садики обычно выходили окна хозяйки дома и ее служанок. Оттого нередко придворных красоток называли по имени цветов: госпожа Хризантема, госпожа Пион, госпожа Светлая Лилия. Императорские сады отличались прежде всего размерами, в водоемах начали разводить рыбу, которую император, члены его семьи, придворные и гости могли ловить с лодки или из специального домика посреди озера. В дни праздников слуги пускали по воде чашечки с sake, поставленные на деревянные подносики. В одном монастыре близ Киото я видел сад, в котором монахи устраивали исключительно религиозные церемонии, в центре озера возвышалась статуя Будды на лотосе, и музыканты могли плавать вокруг него, сидя в живописных лодках, как его бодхисатвы.

Поняв, что Дзагару-сан на нее не смотрит, Осиба отстала, якобы поправляя ремешок сандалии, и когда один из самураев охраны хотел задержаться около хозяйки, она весело отмахнулась от него, мол, делай, что должен делать, и не шпионь за мной. Когда компания завернула за ближайший куст, супруга даймё Дзатаки быстро вернулась назад, где возле беседки ее уже ждал высокий мужчина с раньше времени постаревшим лицом и глубоко посаженными глазами, посреди которых горбатым утесом торчал острый носик, выдававший в нем северную кровь его матери. Не без интереса Осиба заметила, что запястья опального даймё были покрыты черной шерстью, как у людей с Хоккайдо. Почему-то это не отпугнуло красавицу Осибу, а наоборот, наполнило ее душу давно забытым волнением и жаром. Точно таким же звериным мехом было покрыто все тело покойного Тайку. Правда Хидэеси-сан был маленьким с противным обезьяньим личиком, цепкими, острыми глазками и безобразными зубами. Он был самым некрасивым или, даже можно сказать, безобразным мужчиной из тех, кого она знала. Но одновременно с тем, если остаться с ужасным правителем Японии в одной постели и закрыть глаза...

Если забыть, что великий Тайку на самом деле ничем не отличается от сидящей в клетке под замком черной обезьяны... то... лучше любовника, чем покойный Хидэёси, у нее никогда в жизни не было и быть не могло.

Неожиданно Осиба подумала, что, быть может, этот мрачный, волосатый, совершенно некрасивый мужчина, возникший сейчас в ее жизни и заставивший ее вспомнить свои самые интимные переживания с Тайку, может быть, столь же хорош в постели, как покойный правитель Японии, поставивший на колени перед собой владетельных даймё, самураев, крестьян и вообще всех.

– Я рада, что вы приняли мое приглашение, тем более что это приглашение не столько мое, как моего сына. – Осиба встряхнула красивой головкой, отгоняя любовный морок. – Простите, что я так сразу приступила к делу, но вы и сами видите, насколько я стеснена во времени. – Она лучезарно улыбнулась Юя-сан, прикидывая, сколько тому могло быть лет. – Я хочу от вас только одного, вашего ответа «да» или «нет». – Ее глаза сияли, улыбка, которая так шла Осибе, делала ее моложе по меньшей мере лет на пятнадцать.

Увлеченный разглядыванием стоящий перед ним красавицы, Юя невольно чувствовал робость.

«А ведь это может быть ловушка, – с тревогой думал он. – Кто она? С одной стороны, мать лишённого престола Хидэёри, который теперь желает вернуть себе наследие отца, с другой – жена брата сегуна. На чьей стороне госпожа Осиба в данный момент?»

– Мой сын ждет! – Осиба оглянулась, отмечая, что ее компания ушла далеко вперед.

– Я отвечу вам в самое ближайшее время, после того как соберу совет даймё моих ханов. – Юя понимал, что Осиба будет злиться на него, но ничего не мог решить без своих ближайших сановников. За «да» следовало платить столько же, если не больше, чем за «нет». А наследник некогда знаменитого даймё Оноси и так слишком много уже потерял в своей жизни.

– Вы не хотите вернуть себе все то, что имел ваш отец, и приумножить его владения? – Осиба подняла красивые брови, отчего сразу же стала еще более привлекательной, чем показалась Юя вначале.

– Вы не так меня поняли, сиятельная госпожа. – В этот момент Юя ненавидел сам себя. – Я всего лишь прошу вас о небольшой отсрочке, немного времени, за которое я смогу понять, какими силами располагаю в данный момент. На что могу рассчитывать.

– Ну? – Осиба снова покосилась на дорогу, по которой ушли монах и ее дочка, и посмотрела в глаза Юя-сан. Нет, он больше не походил на покойного Тайку. Тот не стал бы думать и томить ее ожиданиями. Тайку делал. Рассуждали другие.

– Сам я, разумеется, говорю вам «да», – наконец нашелся Юя, – но сколько самураев я смогу предоставить к моменту начала войны? Во главе какого войска я встану? Передайте своему уважаемому сыну, что я верен ему, но все эти вопросы... я должен решать их на совете вместе с моими людьми. – Он опустил глаза на свои *гэти* и тут же поднял на Осибу покрасневшее от стыда лицо. – Я присоединюсь к восстанию, даю вам честное слово. Но сейчас... я тронулся в путь сразу же после получения вашего послания, к слову, оно застало меня, когда я с семьей совершал паломничество недалеко отсюда. Должно быть, вы знали об этом. – Он снова смутился. – Для окружающих желание паломников посетить еще один храм не выглядит подозрительным. Вы должны понять, все мы, опальные кланы, вынуждены проверять и перепроверять... Все мы опасаемся шпионов сегуната, сеть шпионов, раскинутая по всей Японии, даже сейчас я не могу быть уверен в том, что нас не подслушивают, что о нашей встрече никто и ничего не узнает...

– С семьей. – Лицо Осибы буквально на глазах теряло свою жесткость, глаза засветились спокойным и ровным огнем, на щеках под белилами пробился румянец. – Пришлите

ко мне одного из членов вашей уважаемой семьи, чтобы я могла быть уверена в том, что вы не измените данного мне слова и не предадите моего сына.

– Заложника? – Лицо Юя исказила мука. – Мой старший сын Мисру уже отправился к Токугава-сан в качестве заложника. До него там был мой младший брат... У меня остался только внук Тико, да еще две крошечные доченьки, от третьей жены. Должно быть, вы слышали, госпожа, что две мои предыдущие жены отошли в мир иной, первая, подарив мне наследника Мисру, а вторая, умерев от болезни. Моя третья жена родила только двух девочек-близняшек, и доктор говорит, что она уже не сможет подарить мне других детей. В то время как Мисру не может без личного разрешения Токугава-сан покинуть замка в Эдо. Остается только внук Тико, к которому я очень привязан, Осиба-сан, на сегодняшний день девятилетний Тико – единственный реальный наследник. Если я потеряю и его, некому будет продолжить наш род.

– Пришлите внука, и я буду уверена, что вы не передумаете. – Осиба нервно бросила взгляд в сторону второго озерца, куда должны были отправиться Дзагару-сан и Юкки, и заметила одного из своих самураев, который, не желая мешать ей, сидел на корточках возле большого валуна, готовый в любой момент кинуться на обидчиков госпожи, защищая ее жизнь и честь. – Наш разговор не закончен, уважаемый Юя-сан, – Осиба помахала рукой ожидающему ее самураю, – сообщите мне, как только пройдет ваш совет, но не ждите начала войны. Мы ведем не явную, но тайную войну. Ведем, а не будем вести. Война уже начата, и от того, как быстро вы станете нашим союзником или нашим врагом, зависит судьба вашего клана. – Она лучезарно улыбнулась Юя-сан и, грациозно подобрав полы кимоно, поспешила за своей компанией.

«Интересно, как бы поступил покойный Тайку, если бы его будущий союзник отказался прислать ему внука в заложники? – подумала было Осиба, глядя на безоблачное, чистое небо. – Похитил бы, да и дело с концом, – ответила она сама себе. – Нужно меньше думать, Осиба, меньше думать и больше делать. Вот так и никак иначе».

Вместе с самураем Осиба быстро нагнала, казалось, не заметившего ее отсутствия Дзагару, хотя возможно ли, чтобы он что-то не замечал? Не замечал человек, в обязанности которого долгие годы входили слежка и шпионаж?.. Впрочем, не важно. Если и заметил – не подал вида.

Все вместе они спустились к колодцу, возле которого стояли деревянный ковшичек и пара чашек, услужливый настоятель набрал в ковшик немного воды и, пошевелив губами в благодарственной молитве, налил воду в чашечки и подал с поклоном Осибе и Юкки. За девочку чашку взяла служанка, которая, нежно обняв малышку, привычным уже движением поднесла край чашечки к ее алому роту.

Когда капелька воды попала в рот Юкки, девочка глотнула и начала пить.

– Мне кажется, Осиба-сан, что ваша дочь все слышит и понимает, однажды ее душа сжалась и спряталась в крохотную ореховую скорлупку, в которой она сразу же заблудилась, точно в лабиринте духов, и теперь никак не может отыскать дорогу домой.

– Как же найти эту дорогу? – Осиба уже не могла сдерживать рыдание, поэтому отвернулась от настоятеля.

– Я почему-то думаю, что Юкки вернет в этот мир что-то необычное. Что-то такое, что сможет поразить ее воображение, заставив мысли крутиться, а мозг работать. – Лицо монаха сделалось печальным. – Я боюсь, что наши тихие прогулки и рассказы о вселенных, спрятанных в садах, ничто для такой крепкой скорлупы, в которой оказалась ваша дочка. Для того чтобы принять всю глубину подобной теории, необходимо быть открытым и прозрачным. Юкки же все еще удерживает в ее убежище поразивший ее два года назад ужас. Она не может воспринять красоту цветка, озера или игру бабочек, потому что, прежде чем показывать ей все это, необходимо разрушить саму скорлупу. Сейчас, возможно, она слы-

шит нас, отдаленно, как если бы находилась за семислойным занавесом. И если вы хотите пробиться к дочери, вам придется достучаться до ее тюрьмы. И... – монах напрягся, – да простит меня Будда! Разбить ее тюрьму! Продолжим же наши прежние практики. Завтра мои люди раздобудут для вас с Юкки более сильное лекарство. И если сердце ее не может разбудить нежная музыка, мы будем бить в металлические барабаны, и пусть льется кровь!

Сказав это, он вымыл лицо водой из колодца и, не говоря больше ни слова, направился в сторону паланкинов.

Осиба отметила, что после неудачной попытки воскресить мозг и душу Юкки, его походка уже перестала быть прыгающей, а спина вдруг сгорбилась, точно настоящий вдруг постарел и утратил сам вкус к жизни.

Глава 10

Главное событие в жизни самурая

Выбросьте из своей головы такие слова, как «не могу», «не получится», «не умею», «не достигну». Выбросили? А теперь скажите мне все то, что хотели сказать, без слова «не» или «нет» – что произошло? Вы стали могущественны!

Грюку Тахикиро. Из записанных мыслей

Побрившись и переодевшись в чистое кимоно, Ал надел на шею шнурок с медальоном, подаренным Кияма, со змеей, кусающей свой собственный хвост. Любопытная вещица для Японии начала семнадцатого века, нечего сказать.

На рассвете Ал получил через одного из своих самураев письмо от Фудзико и теперь пытался сообразить, что делать. Во-первых, Фудзико не та женщина, что будет докучать своему благоверному, отправляя ему письмо за письмом, или, как это делали дуры в XXI веке, беспрестанно названивать своим мужьям на мобильники или заваливать ничего не значащими SMS-ками.

Подумаешь, большое дело, мужик поехал леса прочесывать в поисках распоясавшегося быдла, которое за неимением более полезного занятия крадет чужой рис и убивает крестьян.

За то время, что они были женаты, Ал много раз выступал со своими самураями под знаменами Токугава, и были эти путешествия и более опасными, и более длительными. Но Фудзико никогда не писала ему без веского на то повода. Как правило, строго раз в месяц отчет о доходах и расходах, когда был рядом, высылала чистую одежду и белье, что-нибудь вкусное из дома. Когда был в длительных походах, приходилось покупать себе все самому. Но это...

Ал раскрыл деревянную шкатулку и, достав листок, еще раз пробежал его глазами:

«Мой муж и господин! Имею честь пригласить Вас на торжественное и самое главное событие в жизни нашего приемного сына Минору Грюку, которое состоится во второй день новой луны в нашем доме в деревне Йокогама.

Преданная вам Фудзико»

Какое еще событие? Не планировалось никаких событий, когда он еще вчера уезжал из дома. А были бы, Фудзико обязательно сообщила. Это же ее обязанность. А свои обязанности она всегда выполняла с маниакальной дотошностью.

Не зная, как поступить, Ал отдал приказание немедленно паковать походные футоны и складывать шатры. Возле речки двое самураев секли головы пойманным разбойникам. Тащить их в деревню на дознание не было ни желания, ни времени.

Строго говоря, случись Алу выступать в суде по делу отловленных ронинов, он не смог бы доказать, что именно они безобразили в его владениях. Тем не менее практика истребления разбойников была такая: нашел банду, уничтожил банду. Ту, другую? Будда разберет. Случайно порешил разбойников, мешавших жить не тебе, а соседу, не извиняться же, в самом деле. Знать, придется вновь седлать коней и выслеживать головорезов. Покончил с одной бандой, свято место пустым не бывает, через малое время освободившаяся ниша заполнится новыми отморозками. И так все время.

За казнью наблюдали самураи десятка, аплодируя удачным ударам и отмечая, какой из разбойников перед смертью держался лучше. Впрочем, все *ронины*¹⁶ были молодцы, все, наверное, бывшие самураи. Все молча стояли на коленях, не сводя глаз со своих палачей.

В другое время Ал, без сомнения, пожалел бы смельчаков, отпустил их под честное слово или взял себе в отряд. Но... вечно эти «но». Не привыкший к подобной жестокости, поначалу Ал действительно старался расставаться с разбойниками по-человечески, получал от них клятву, что те больше не полезут на его землю и не поднимут оружие против клана Грюку или его сюзерена Токугава, даже давал немного денег на первое время. Но потом те же самые ронины с тараканьей дотошностью лезли на его территорию, уничтожая безвинных крестьян и воруя все, что не прибито.

А что им было делать? Службы нет, жрать охота, почти у всех жены, дети... А на другой территории разбойничают другие шайки. Полезешь грабить на чужую территорию – убьют, и к гадалке не ходи. За этим воровская братия во все времена зорко следила. Не просто убьют, с особой жестокостью убьют. А если семью найдут – и тех порешат не задумываясь. Приходится нарушать слово и продолжать грабить, но на этот раз уже более ожесточенно, чтобы и свидетелей не осталось.

Тогда Ал начал набирать из пойманных ронинов себе новых самураев. И поначалу все шло более или менее сносно. Бывшие разбойники приносили клятву верности, получали два меча и комплект одежды. И так продолжалось до тех пор, пока жена Ала Фудзико не попросила, чтобы ей немедленно разрешили совершить самоубийство, так как она не в состоянии оплатить содержание новых самураев. И поскольку она не справляется со своими обязанностями, ей нужно умереть.

После этого Ал стал более осмотрителен в плане благотворительности. Разбойников же он, страдая душевно, разрешил убивать, но только через расстреляние. Тогда снова в дело вмешалась Фудзико, утверждавшая, что вновь пришло время ей делать *сэппуку*, так как денег на пули нет. Впрочем, не оказалось лишних денег на стрелы, и никто не захотел сооружать виселицу, так как дерево также стоило немалых денег, и брезгливые самураи отказывались по несколько раз использовать одну и ту же веревку, утверждая, что не их дело возиться с падалью. Оставался последний и, собственно, единственный в Японии способ – смерть через отсечение головы.

Так что Ал был вынужден признать, что воз и ныне там, с отсечения головы начали, отсечением головы и закончили.

– Позвольте обратиться, Грюку-сан. – Начальник десятка Хироши поспешно опустился перед Алом на колени.

– Одежды тебе не жалко. – Ал отвел глаза от подчиненного, продолжая вяло рассматривать казнь.

– Могу ли я поговорить с вами об одном очень важном для меня деле? – Хироши поднялся, отряхнув пыль с кимоно.

Несколько неказистый самурай Хироши был зачислен в отряд Ала одним из первых шестнадцать лет назад и все это время был при нем, так что порой Алу казалось, что он знает его как облупленного. И вот же... Ну какие у Хироши могут быть важные дела?

Ал окинул подчиненного внимательным взглядом, надеясь догадаться, зачем тот явился. И ничего не придумав, кивнул, чтобы тот говорил.

– Не хотелось бы, чтобы нас подслушали. – Хироши опасливо оглянулся на весело обсуждавших казнь самураев. Один из них поднял с земли голову разбойника и громко, явно,

¹⁶ *Ронин* – бывший самурай, по какой-то причине утративший хозяина. Чаще всего такие люди были вынуждены разбойничать.

чтобы слышал господин, делал никому не нужный физиогномический анализ убиенной личности.

Ал отвернулся, сглатывая слюну, шестнадцать лет в Японии не сильно закалили его характер, и при виде отрубленных голов у него, как и сразу же по прибытии, по спине бежал легион предательских мурашек и неудержимо влекло блевать.

– Не беспокойся, никто не подслушивает, они сейчас заняты более интересным делом. – Ал невольно поморщился. – Что-нибудь с десятком?

– Не извольте беспокоиться. С десятком как раз все нормально. – Хироши нерешительно потупился, неловко переступая с ноги на ногу.

– А с чем не нормально? С разбойниками – так это уже не наша проблема. – Ал воздел глаза к небу. Это его проблема.

– Да нет, с разбойниками тоже все как нужно. На рассвете, слава Будде, троих положил. День вроде как удался. – Он улыбнулся. И тут же лицо его залила краска. – Я, собственно, о другом. Вы знаете, что моя семья происходит из известного самурайского рода, и мы состоим в родстве с родом Фудзимото?

Ал согласно кивнул. Один из ронинов попытался сбежать, и тут же получил стрелу между лопаток. Ал невольно несколько раз хлопнул ладонью о ладонь, местная традиция – аплодисменты по каждому поводу.

– Я... – Хироши снова замолк, собираясь с силами. – Я хотел попросить вас развестись с вашей наложницей Тахикиро-сан и отдать ее мне! – наконец выпалил он, заливаясь потом.

– Развестись? – Ал стрельнул глазами в сторону беззаботно развлекающихся людей, не слышат ли они, и снова посмотрел на Хироши. – Развестись?! Отдать тебе?! Вот что удумал! А она как к этому относится?

– Госпожа ничего не знает. Я пришел сам, меня и казните. – Десятник затрясся и попытался снова кинуться на колени перед своим командиром, но Ал остановил его.

– Тахикиро и ты?! – В первый момент Ала захватило желание немедленно выхватить меч и разобраться с обидчиком, но тут же он вспомнил свою боевую подругу, и сердце сжалось. Тахикиро никогда по-настоящему не была его наложницей. Идея отдать Алу сразу же двух сестер Фудзико и Тахикиро принадлежала Иэясу, спорить с которым было бесполезно и, главное, небезопасно.

Поначалу Тахикиро так ненавидела Золотого Варвара, что поклялась отрезать ему причиндалы, если тот попытается насильно затащить ее в постель. Так что несколько лет Ал жил с Тахикиро как с младшей сестрой или, скорее, как с младшим братом. Так как девушка была замечательным воином, она вскоре стала правой рукой Ала.

Потом, уже когда у них с Фудзико родилась Гендзико, однажды на маневрах они с сестренкой Тахикиро перебрали испанского вина, и вдруг как-то оказались на одном футоне. А на следующее утро Ал проснулся от ужаса, боясь не обнаружить на месте своего хозяйства. Слава богу, оказалось, что Тахикиро давно уже не питала к нему ненависти. Фудзико же смирилась с неизбежным.

И вот теперь Ал узнал, что, оказывается, Тахикиро любима еще кем-то!

Тяжело дыша, Ал смотрел на своего десятника, дрожа от гнева и одновременно с тем понимая, что на самом деле давно уже следовало позволить свободолюбивой, необузданной воительнице жить так, как ей того захочется. Просто его никогда по-настоящему не интересовал вопрос – что хочет она.

– Ты любишь Тахикиро-сан? – все еще не в силах справиться с сердцебиением, выдавил из себя Ал.

– Любовь – слово варваров. – Хироши смотрел в лицо Ала, ожидая его решения. – Я не знаю, что такое любовь. Но когда я смотрю на Тахикиро, я весь горю изнутри. А когда ее нет, я снова смотрю на нее. – Хироши понурился. – Я все время говорю с госпожой Тахикиро.

А она отвечает мне. Я понимаю, что госпожа не обычная женщина. Не из тех, кто будет рада быть только хозяйкой дома. Она не станет следить за тем, чтобы крестьяне вовремя приносили деньги и чтобы повар готовил именно то, что нравится мужу. Но все это ерунда. Мне нужна Тахикиро-сан такой, какая она есть. Резкая, властная, такая, что и по зубам, если заслужил, может. И головы рубит, как песню поет. Я бы не хотел, чтобы она когда-нибудь изменилась, стала другой. Тахикиро-сан – стихия, можно ли изменить стихию? Пройдут века, а стихия останется сама собой. Тахикиро-сан – горный дух или ветер. Кто поймает ветер?..

– Поэтому ты до сих пор не женат? – неожиданно догадался Ал.

– Я хотел бы всегда быть рядом с госпожой Тахикиро. Чтобы засыпать с нею рядом, просыпаться и видеть ее, и... Когда вы отсылаете ее с поручением, я словно не дышу, не живу. Моя душа летит за Тахикиро-сан, так что мне становится трудно даже выполнять обычную работу. Я весь с ней...

– Понял, понял. – Ал посмотрел на Хироши уже без ненависти. – Что ж, я поговорю с Тахикиро, и если она согласится...

– Она может и обидеться... – предупредил Хироши, теперь на лице его отпечатались озабоченность. – Вы только как-нибудь... как-нибудь... – Некоторое время десятник изучал свои сандалии, подыскивая слова, и наконец, подняв на Ала несчастные глаза, простонал: – Поаккуратнее только, господин. Один Будда знает, какие демоны порой вселяются в Тахикиро-сан. Как бы, не ровен час, она и вас не порешила, попадись вы ей под горячую руку... А ведь вы наш природный господин и...

– Не дрейфь, она своих не трогает, – усмехнулся Ал и, совсем уже расслабившись, шлепнул Хироши по плечу. – Поговорить поговорю, а уже дальше сам разбирайся. Может, в храм ее поведешь, а может, и бежать с моих земель придется.

– От нее все стерплю! Пусть бьет! Пусть вообще убьет! Главное, чтобы со мной была! – Поклонившись командиру, Хироши бросился к своему коню. – Позвольте, вперед полечу, упряжу уж.

– Лети, лети. – Ал только пожалел, что не спросил мнения десятника по поводу таинственного послания Фудзико: «Мой муж и господин! Имею честь пригласить Вас на торжественное и самое главное событие в жизни нашего приемного сына Минору Грюку, которое состоится во второй день новой луны в нашем доме в деревне Июкогама. Преданная вам Фудзико».

Ал оглянулся в поисках того, с кем можно было бы поговорить о письме.

Совершенно юный ронин с густой, длинной челкой¹⁷, как у ребенка, и подростковыми прыщами встал на колени перед самураем Ала. Лицо пленника было спокойным, словно он накурился травки. Хотя глаза совсем недавно явно были на мокром месте.

«Торжественное и самое главное событие в жизни нашего приемного сына Минору», – перечитал Ал еще раз. Минору родился в середине июля, сейчас май, значит, речь не о дне рождения. Тогда что же? Женидьба? Но кто дал разрешение на такой важный шаг, когда он, хозяин дома, в отъезде?

Ал взглянул в глаза юному ронину, и его сердце сжалось.

Кто мог отдать приказ в отсутствие отца семейства? Тот, кто выше его – Токугава. Но сёгун в Эдо и не собирался в ближайшее время наведываться к своему хатамото. Кто тогда? Жена? У нее нет таких полномочий. Тогда? И тут Ала осенило: приказ мог отдать тот, кого он сам же оставил за себя, а значит, его родной сын Амакаву.

¹⁷ Самураи выбривали лбы, прическу с челкой мог носить только мальчик, не ставший еще самураем.

При воспоминании о сыне что-то недоброе зашевелилось в груди Ала, он быстро поднялся и, махнув рукой самураю, изготовившемуся отсечь парню голову, чтобы повременил, подошел к юному ронину. Присутствие парнишки явно помогало Алу сосредоточиться.

– Как тебя зовут? – обратился он к пленнику. Раскосые глаза блеснули ненавистью, пересохшие губы шевельнулись, но Ал не услышал ни звука. – Дайте ему воды, – распорядился он.

Кто-то поднес к губам приговоренного тыквенную бутылочку с водой. Пленник сделал глоток, мутно поглядывая на своих мучителей.

– Как вас зовут? – повторил вопрос Ал.

– Гёхэй, господин. – Пленник смотрел не на Ала, а как бы поверх его головы, будто бы беседовал не с человеком, а с его небесным покровителем, как известно, находящимся над правым плечом.

– Давно разбойничаете?

– Недавно. – Парень склонил голову, глядя в землю. – Мой хозяин с Амори... сёгун издал приказ, чтобы все христиане в нашей префектуре немедленно отреклись от Христа, наш господин отказался, попросив помощи у главы даймё-христиан Кияма из рода Фудзимото. Он отправил гонца, но тот не вернулся. Меж тем явилась комиссия от сегуна, нашего господина приговорили к сэппуку и всех, кто не отрекся, убили. Тех же, кто был буддистами или успели отречься, все равно изгнали. Там теперь новый даймё, у него свои люди, а мы... – Он покраснел. – Извините нас, пожалуйста, за причиненное в хозяйстве беспокойство. Честное слово, очень стыдно, но...

– Я понимаю. – Ал потрепал малолетнего преступника по густым волосам, самостоятельно разрезав веревки на его руках. – Как вы считаете, – Ал наклонился к самым глазам ронина, – какое событие в жизни самурая можно считать самым главным в его жизни?

– Смерть, – выдохнул юноша.

– Смерть?! – Ал отпрянул от парня, некоторое время приходя в себя. – Смерть можно назвать торжественным событием?

– Можно, если это сэппуку, которую самурай делает в соответствии с приказом своего сюзерена и в присутствии специальных свидетелей. – Юноша не мигая смотрел на Ала, ожидая, что произойдет дальше.

Но Ал уже и так все понял, велел отпустить парня, он первым бросился к лошадям и, ничего не объясняя, понесся в сторону деревни.

Глава 11

Путь слепцов

*Путь самурая есть смерть.
Токугава Иэясу. Из сборника сочинений для отпрысков самурайских
семей. Разрешено к прочтению высшей цензурой сегуната. Писано в
год начала правления 1603-й, замок в Эдо*

— Однажды шли по горной дороге слепцы, в левой руке у каждого из них был дорожный посох, правой они держались за плечо впереди идущего, первый слепец вел остальных, так как сказал всем, будто бы отлично знает дорогу. Все время слепцы плакали и тряслись от страха, так как боялись упасть на дно пропасти и больше уже не выбраться оттуда. — Кияма сделал паузу, давая своему секретарю время записать услышанное, и когда Такеси поднял на него воспаленные от бессонных ночей наедине с рукописями глаза, тут же продолжил диктовать. — При этом никто из слепцов понятия не имел, с какой стороны опасная пропасть, а где ровная земля. И вот они шли и шли, молясь, трясясь и писая себе на ноги, когда подошвам их сандалий приходилось соскальзывать, и слепцы на какое-то время теряли равновесие, громко крича, цепляясь за ветхие одежды друг друга, от чего и у тех, кто чуть было не упал, и у тех, кто просто был рядом, пот лил градом и по спинам бегали мурашки. — Кияма улыбнулся, предвкушая финал. — Так вот, они шли себе, шли, пока вдруг не случилось то, чего они все, собственно, и ожидали. Один из слепцов упал в пропасть. Поняв, что они потеряли товарища, слепцы опустили на четвереньки и подползли к краю пропасти, рассуждая, как низко упал их собрат и можно ли будет вытащить его при помощи своих посохов или связав вместе одежду. И тут они услышали голос упавшего: «Не переживайте за меня, когда я был среди вас, я тоже всего боялся и не знал, куда можно ступить, чтобы не упасть. Теперь я упал, и мне уже больше нечего бояться. Я свободен. Быстро прыгайте ко мне, и вы тоже освободитесь от страхов и забот. Вы тоже будете свободны!» — Кияма огладил бороду, проникновенно глядя в глаза секретаря. — Я часто думал над этой притчей и вот что решил: всю нашу жизнь мы чего-то боимся, о чем-то заботимся, и только в решительный момент принятия своей смерти мы обретаем подлинную свободу. Потому что мертвому уже не нужно трястись за свою жизнь, не нужно думать, как сделать следующий шаг. Мертвому или посчитавшему себя мертвым не нужно заботиться о пропитании, ему не нужна любовь, не нужна семья. Когда последователи черного Будды Амида, или *синоби*¹⁸, свершают над собой ритуальный похоронный обряд, после него они считают себя бесплотными духами, оставленными на этой земле для того, чтобы... — Кияма задумался. — Знаете, что, Такеси-сан, мне еще нужно подумать над этой темой, ведь последователи Будды Амида — это наемные убийцы и шпионы очень высокой квалификации, и, наверное, здесь следует сказать о том, что они избирают жребий служению своему хозяину... А кто у них хозяин? Или заданию, данному хозяином... М-да. — Кияма почесал затылок. — Предположим, что хозяин в этом монастыре — их настоятель. Но сам факт, что своих самураев он отдает на время и за деньги... Ладно, попробуем по-другому, — он посмотрел в потолок, — самурай умирает для собственной жизни, чтобы ничего не отвлекало его от служения своему господину. Поэтому, когда самурай умирает во второй раз, он освобождается от брэнной оболочки и всего с нею связанного. Упавший слепец освободился от страхов за свою жизнь, потому что самое страшное с ним уже произошло.

¹⁸ *Синоби* — ниндзя. Синоби служили Токугава-сан и помогли ему спастись из, казалось бы, безвыходной ситуации, позже с их помощью он одержал победу в битве за Осаку и стал сегуном.

– А что было с остальными слепцами? – не отрываясь от работы, спросил Такеси.

– С другими? – Кияма задумался. – А напиши, что, услышав истину, они все попадали в пропасть, чтобы освободиться.

– А от кого тогда вы узнали эту историю? – не отставал докучный секретарь.

– Тогда напиши, что кто-то последовал за первым слепцом и обрел свободу в смерти, а кто-то испугался и теперь ходит по свету, боясь всего на свете и завидуя упавшим в пропасть. Все! Хватит на сегодня.

– Будем ли мы еще работать над вашей второй книгой? – Такеси старался не поднимать глаз на Кияма, все существо его мгновенно напряглось, как тело готовой к броску кобры.

– Душно. Устал. В другой раз. – Кияма взял в руки веер и, демонстративно обмахиваясь, подошел к окну.

– Как скажете, господин. В другой так в другой. – Такеси собрал письменные принадлежности, наблюдая за тем, как поблескивают непросохшие еще листы. С того дня, как старый Такеси впервые услышал о тайной рукописи, прошло более двух недель, но Кияма отчего-то медлил.

Почему медлил? Такеси буквально ощущал, как проходит жизнь, а он ничего не может узнать. После того единственного раза, когда Кияма признался в своем самозванстве, он не сказал более ни одного слова об ордене «Змеи». Как будто ничего и не было.

Долгими одинокими ночами Такеси перебирал в памяти всех друзей своего даймё и не мог остановиться ни на ком конкретно, распознав шпиона. Сам Кияма сказал, что для того, чтобы воин ордена «Змеи» мог беспрепятственно занять чужое место, это место для него следовало сначала освободить. Буквально – убить наследника и вместо него предъявить другого. Глупость, как будто бы семья, жена и слуги не в состоянии уличить негодяя в подлоге!

В случае с Кияма все было более чем грамотно: вылечившийся чудесным образом прокаженный, лица которого давно уже никто не видел. Кроме того, сразу же разведшийся с женой и поменявший все свое окружение. Следовало искать похожие истории, но ничего похожего как раз и не было.

Так что оставалось предположить, что пришлый «змий» внедрился в какой-нибудь захудалый род, но тогда каким образом он собирается влиять на историю Японии?

Или... У Такеси закружилась голова. Или речь шла о Тайку? Безродном крестьянине, о котором никто ничего толком не знал и который сумел собрать вокруг себя армию и впоследствии сделаться главой государства?

Но если так, заговор приобретал поистине невероятные масштабы, с которыми Такеси было не справиться, даже если бы рядом с ним теперь стояли его не рожденные дети, даже если бы весь клан Фудзимото поднялся против лже-Кияма и ордена «Змеи».

Голова Такеси шла кругом, руки предательски тряслись. Он встряхнул еще раз последний, уже просохший листок и попробовал прикоснуться к нему ладонью.

– Сегодня ко мне подошел начальник стражи, – неожиданно голос даймё прервал поток мыслей Такеси, – я спросил его, как дела в наших владениях, и он рассказал, что совсем недавно у вдовы нашего казначея госпожи Ёсидо пропал девятилетний сын. Ты что-нибудь слышал об этом?

– Сын? – Такеси заморгал, не в силах сразу же переключиться на новую тему.

– Значит, тоже не слышал. Начальник стражи сказал, что вдова обратилась лично к нему. И я сначала было подумал, что парнишка мог связаться с дурной компанией, отправиться играть на деньги в один из чайных домиков или связаться с уличными девками, сам знаешь, как сейчас выглядят подростки, в двенадцать лет они все уже испытывают на крепость свой нефритовый жезл и вообще. Девятилетний же мог увязаться за ребятами постарше. М-да... Помню, Умино выглядел и в четырнадцать сущим сопляком. А эти нынешние... А потом передо мной вдруг как-то сразу нарисовалась картина праздника «Цве-

тения сакуры», на котором присутствовали еще живой тогда казначей, его жена и дети. Я вспомнил мальчика, и с размаха саданул сам себя по лбу. Ну надо же – ищу дурные наклонности там, где не ребенок, а Будда на лотосе. Или, что я говорю, юный Иисус! Понимаешь, я несколько раз беседовал с этим мальчиком, и уверяю тебя, что более благонамеренного отрока свет не видел! Мальчик словно специально создан для монашества. Я так и сказал его духовному отцу, да и матери тоже. А что, послали бы его учиться в Рим, сколько я уже отправлял юношей, все теперь служат в наших храмах. Куда уж лучше, чем терпеть этих невымытых варваров. Возьми хотя бы Омари, как его теперь? Отец Марк. Да. Поставил несколько храмов на Симобаре. Даймё Кониси Юкинага на него не нарадуется, хотя как самурай он бы точно долго не протянул. Не та порода, а вот по христианской части...

– Вы не думали, что ребенок постоянно растет и изменяется, быть может, на празднике «Цветения сакуры» он действительно был само совершенство, красота и кротость, но уже через несколько месяцев его плоть возмужала и желания изменились? Это ведь тоже нельзя упускать из вида. – Такеси уже просушил листки и теперь неловко укладывал их в широкую папку единственной рукой.

– Возможно, но тут я вспомнил еще вот о чем, буквально месяц назад мне докладывали о странных убийствах, произошедших одно на кладбище и второе на складе местного торговца пряностями. В обоих случаях фигурировали мальчики приблизительно одного возраста – десяти и, кажется, двенадцать лет. Оба были из весьма уважаемых самурайских семей, оба очень хороши и оба похищены из своих домов. Когда стража, совершая обход, случайно наткнулась на первого мальчика, они не придали этому особого значения, так как посчитали убитого ребенком *эма*¹⁹. Но потом один из стражников обратил внимание, что мальчик очень чистенький и ухоженный, так что он никак не мог быть ребенком этих отродий. – Кияма нервно повел плечами. – Конечно, наша религия внушает нам относиться ко всем сословиям с одинаковым почтением, но *эма*...

– Я понимаю вас. – При воспоминании о грязных людишках Такеси и самого передернуло. – Конечно, ребенок из самурайской семьи ничем не напоминает ребенка из семьи *эма*.

– Вот именно! Наш священник отец Иоанн предположил, что оба мальчика были убиты согласно какому-то сатанинскому обряду, и я был вынужден приказать искать злодеев. Но...

– Я помню это дело. – Такеси помрачнел, понимая, что господин погрузился в свои воспоминания и уже не расскажет сегодня ничего о таинственном воине ордена «Змеи».

– Я связал эти два преступления в одно, наши люди осмотрели оба трупа и обнаружили и другие сходства. Оба мальчика подвергались перед смертью пыткам, обоих связывали, об этом говорят следы от веревок на запястьях и ногах, оба были заколоты кинжалами. – Лицо Кияма светилось азартом. – Быть может, сын покойного казначея – третья жертва неведомых разбойников? – предположил он.

«И все-таки таинственный воин ордена „Змеи“ – легендарный Тайку», – с тоской подумал Такеси. Он чувствовал себя старым и невероятно уставшим. Теперь ему меньше всего хотелось говорить о мертвых мальчишках.

– Быть может, мы все-таки начали бы вашу вторую книгу? Я стар и могу умереть, так и не выполнив вашей воли? – жалобно осведомился он.

– Отдыхай, Такеси-сан. Не знаю, хватит ли у меня сил рассказать тебе обо всем... Возможно, я только зря растормошил тебя. Для этой книги мне нужен особенный настрой. А тут такое! – Он картинно взмахнул рукой, отвернувшись от секретаря.

«Он передумал! Кияма никогда не расскажет мне об ордене „Змеи“». Он боится своих хозяев, а значит, скоро отдаст приказ обезглавить меня, избавиться от единственного свиде-

¹⁹ *Эма* – низшая каста в Японии. Имеет сходство с «неприкасаемыми» в Индии. Эта выполняли самую неприятную работу: возились с трупами людей и животных, трудились на живодерне, дубили шкуры животных и прочие.

теля. Одержимый демоном страха человек не способен рассуждать трезво. Кияма сначала убьет меня, боясь моего предательства, а потом сообразит, что у него не было более верного человека, человека, которого он знал и проверял целых сорок лет. Что делать? Ждать, когда князь придет за твоей головой? Или попытаться самому убить князя. – Такеси лихорадочно размышлял, елозя здоровой рукой по поясу, под которым хранилась коробочка с ядом. – Если великий воин „Змеи“ – сам Тайку, я никогда не сумею раскрыть этот заговор. Кто я и кто Тайку? Муравей против военного диктатора, которого боялся весь мир. Могли ли я что-нибудь сделать в этой ситуации? Нет. Если я буду ожидать, что ситуация каким-то образом разрешится сама, я ничего не достигну, и Кияма заберет мою жизнь раньше. Остается одно – убить Кияма».

Даймё стоял к секретарю спиной, не ожидая удара. Впрочем, еще несколько дней назад старый Такеси был вынужден признать, что никакого удара самозванцу он нанести и не сможет.

Это сакэ заставило его хвастаться, будто бы его левая рука не менее сильна, нежели правая. На самом деле Такеси хоть и приучил левую руку держать меч, но тренировался редко, и решись он сейчас наброситься на князя, тот успел бы спастись, а то и прибить напавшего на него слугу.

За спиной секретаря послышался шорох раздвигающихся сёдзи, и служанка Хана внесла поднос *бон*²⁰ с уже поставленными на него бутылочками сакэ и чашечками. Поклонившись спине князя, девушка поставила бон перед подушкой Кияма и вышла за угощениями.

Не веря своей удаче, Такеси извлек из-за широкого пояса крошечную коробочку с ядом и подсыпал его в чашку Кияма. Конечно, господина следовало предать суду или хотя бы зарубить мечом, но... что поделаешь, когда в доме заводится крыса, тут уж не до церемоний. Проклятую тварь придется отравить.

Вечером того же дня неожиданно слегла личная служанка Кияма Хана. Девушка жаловалась на резь в желудке и внезапную сухость во рту. Предполагая, что служанка могла перегреться на солнце, управляющий кухонными делами отправил ее в комнату, занимаемую несколькими девушками, и чуть позже послал к ней врача. Который и обнаружил ее мертвой.

²⁰ *Бон* (о-бон) – поднос на ножках, похож на столик.

Глава 12

Дивный свет

Стремясь достичь совершенства, знай: жить и совершать ошибки – суть одно и то же.

Токугава Иэясу. Из книги «То, что должен знать истинный самурай»

В замке, в который переселились Осиба и Юкки, был устроен показательный бой, на который Осиба велела пригласить не профессиональных борцов, а крестьянских сыновей и юношей, служащих носильщиками паланкинов. Привыкшая наблюдать простонародные бои с ранней юности, жена Дзатаки отлично понимала преимущество боев, проводимых простыми, но сильными и горячими парнями перед обученными воинами.

Самураи слишком много тренировались, от чего их движения были преимущественно однотипными и быстро надоедали взыскательной Осибе. В то время как напоенные для такого случая sake деревенские парни умели бить смачно, быстро становились жестокими и неотвратимыми. Правда, и бились они, что называется, до первой крови, пугаясь содеянного и мгновенно трезвея.

Перед боем госпожа угощала борцов доброй порцией sake, чтобы хотя бы ненадолго укротить их плебейский страх. Желая подлить масла в огонь, она обещала победителю огромный, по деревенским меркам, приз, что не могло не распалить задиристых юношей.

Выступать молодые люди должны были в одних набедренных повязках с волосами, заплетенными в косу или зажатыми в высокий хвост. Желая удивить Юкки, Осиба специально велела расположить их подушки как можно ближе к настилу, на котором должно было происходить сражение. Здесь можно было не только отчетливо видеть каждый удар, но и чувствовать запах юных разгоряченных тел. Этот запах будоражил воображение Осибы, заставляя сердце выпрыгивать из груди, а глаза сиять веселым пламенем. Правда, было и другое: от чрезмерных усилий молодые люди обычно начинали подпускать ветры, и иногда весьма даже зловонные, но это даже добавляло некоторой животной сути драке, делало ее до отвращения подлинной.

Юкки села на свою подушку, положив красивую головку на руку матери и готовая уснуть в любую минуту. Как обычно, ее мысли витали совершенно в других небесах.

– Не спи, моя принцессочка. Только не спи, – потормошила дочку Осиба. – Скоро, очень скоро ты очнешься, и я уже никогда и никуда не отпущу тебя, моя дорогая.

За ними устраивались придворные дамы и замковые слуги. Возле Осибы и Юкки встали два самурая, в обязанности которых входила защита госпож от возможного нападения со стороны импровизированного ринга. Как-никак пьяные, разгоряченные боем простолюдины могли наделать глупостей. Поэтому в задачу стражи входило, чтобы эти глупости не стали непоправимыми.

С каменными лицами стража уселась на подушки, молчаливые и готовые сокрушить любого, кто только попробует посягнуть на жизнь, честь или здоровье хозяйки замка и ее дочери.

Гонг возвестил о начале боя, и церемониймейстер вызвал на ринг первую пару борцов, один из которых был крестьянским сыном из ближайшей деревни, грузный и весьма толстый юноша, на две головы выше любого воина замковой стражи, его живот свисал много ниже набедренной повязки, отчего создавалось впечатление, будто бы он голый.

При виде великана начальник стражи послал к Осибе еще двоих стражников и посадил пару лучников в отдалении, на случай крайней надобности.

Осиба пожирала глазами массивное молодое тело, больше похожее на тело какого-то животного или бога, нежели на тело юноши. Расхваливая бойцов, церемониймейстер сообщал о том, что силач помогал отцу и односельчанам таскать мешки с зерном, для чего его нередко брали у родителей торговцы. Лицо парня было преглупое, с двойным подбородком, к тому же оно лоснилось, поблескивая в свете зажженных фонарей, отчего имело сходство с подгорелой лепешкой. Его умственные способности, а точнее их полное отсутствие, было еще больше заметно, потому что здоровяк постоянно улыбался, кивая всем и каждому, точно китайская кукла.

Ноги были длинными, мощными и одновременно с тем кривыми, задница походила на две подушки и отчего-то была прыщавой. Противником ему поставили юношу среднего, если не сказать низкого роста с заметным рельефом мышц и темной кожей, как это бывает у крестьян, принужденных день-деньской работать в поле. Ноги молодого человека были короткими, но вполне крепкими, кроме того, он казался шустрым и смелым. Набедренная повязка была завязана достаточно туго, так что Осиба невольно то и дело бросала заинтересованные взгляды, пытаясь представить себе спрятанное под узкую тряпку хозяйство молодого борца.

Зная пристрастия своей хозяйки, пару раз во время проводимых в замке представлений хитрый церемониймейстер подговаривал борцов срывать друг с друга набедренные повязки, чем несказанно веселил зал.

«Может, устроить закрытый поединок вообще без набедренных повязок? – подумала было Осиба, но тут же спохватилась. – Во время боя мужчины редко возбуждаются настолько, чтобы на их жезлы было приятно посмотреть».

Новый удар гонга возвестил о начале сражения. Борцы разошлись по углам, и затем с диким криком верзила полетел в сторону своего противника, намереваясь смять его первым же ударом. Тот только и успел, что отскочить, позволяя толстяку растянуться на ринге, и как только жирдяй грохнулся на пол, произведя невообразимый шум, бросился ему на спину и, схватив за волосы, начал стучать головой великана об пол.

Несколько мощных ударов отзывались сладкой болью внизу живота Осибы, она поглядела на Юкки и обомлела: личико девочки порозовело, глаза не могли оторваться от картины избиения.

И тут Юкки засмеялась, возбужденно обнимая мать и показывая в сторону расквашенного носа верзилы.

– Ты видишь?! Ты понимаешь?! – Осиба прижала к себе девочку, но та со смехом отстранилась от нее, боясь упустить хоть что-нибудь.

Церемониймейстер дал сигнал к прекращению боя, поднимая противников и раскрывая алый веер над головой победителя.

Из глаз Юкки уходил свет.

Осиба увидела это, заглянув в лицо дочери, и тут же закричала, чтобы бой был продолжен. Ничего не понимающий церемониймейстер пригласил вторую пару бойцов, но теряющая дочь Осиба вновь закричала, чтобы он вернул только что отработавших бойцов.

Плохо обтерев кровь, верзила вновь встал против своего более везучего противника, наклонив корпус вперед и хлопая ладонь об ладонь, желая испугать этим удачливого парня, но уже не стремясь нанести удар первым.

Но и победитель прошлого боя не спешил лезть в драку. Он медленно приближался к толстяку на полусогнутых ногах, подманивая его рукой. Лицо Юкки ощутимо теряло свет жизни, глаза затуманились и погасли. Не в силах потерять дочь еще раз, Осиба закричала, чтобы они поспешили. Ее поддержали следящие за боем придворные дамы. Сбитый с толку таким напором великан сделал выпад, присев и ловко схватив при этом поединщика за

талию, одним рывком подняв его над головой. В зале заплодировали, Осиба смотрела на дочь, к которой вдруг снова каким-то чудным образом начала возвращаться жизнь.

Меж тем великан выпрямил руки и завертелся на месте вместе со своим противником. В какой-то момент он издал хриплый вопль и швырнул поединщика об пол. Казалось, ничто уже не спасет бойца, но вдруг тот с ловкостью бродячего акробата перевернулся в воздухе и, приземлившись, точно кот на лапы, заехал ногой по причиндалам противника. Толстяк взвыл от боли и согнулся пополам. Радостная Юкки засмеялась, сжимая крошечными пальчиками ладонь матери.

Чувствуя, что победа близка, великан обездвижен, его противник зашел сзади и накинута на свою жертву, захватывая одной рукой горло и другой пытаясь выколотить поединщику глаз. Жирдяй взвыл от боли, пытаясь повернуться и одновременно силясь руками сорвать с себя парня. В то время как тот вдруг обхватил необъятную талию великана пятками и со всего размаха саданул ладонями по ушам противника.

Оглушенный поединщик рухнул на ринг, из его ушей текла кровь.

Церемониймейстер во второй раз поднял веер над головой победителя, и тут же дивный свет оставил маленькую Юкки.

Осибу трясло, она потребовала поднять великана и заставить его биться еще раз, но тот находился в глубоком обмороке. Пришлось вызвать следующую пару, но девочка больше уже не оживала.

Досмотрев представление до конца, Осиба разрешила отсчитать победителям обещанную сумму, не обделив и пострадавших, после чего забрала Юкки и покинула место боя.

Монахи были правы, ее Юкки не была безумной или больной, она вполне могла вернуться, и Осиба была готова устраивать бои хоть каждый день, лишь бы ее маленькая доченька снова стала прежней.

* * *

В тот же вечер в фамильном замке Фудзимото в провинции Хиге даймё Кияма вызвал к себе умирающего от нетерпения секретаря Такеси, но вместо того чтобы сообщить ему наконец имя действующего в Японии шпиона ордена «Змеи», замучил старика стихотворными играми и светскими беседами, в которых старый слуга был не силен.

Желая украсить приятный вечер обществом дам, Кияма пригласил двух своих наложниц, которые поочередно играли на сямисэне и придумывали продолжение предложенных даймё стихотворных фраз.

После стихосложения начались истории по заказу, сначала в шкатулку были сложены личные вещи всех участников игры, две заколки от дам, изящный кинжал от Кияма и скромный веер от Такеси. Ведущий садился ко всем спиной, в то время как его помощник извлекал из шкатулки один из предметов и спрашивал, на какую тему владелец этой вещи должен рассказать историю.

Несчастный секретарь обливался потом, справедливо полагая, что нипочем не справится с полученным заданием, в то время как все остальные участники игры с ходу ловили заказанные им темы и, ни сколько не стесняясь, рассказывали свои истории.

Такеси отчаянно страдал, понимая, что не может соответствовать столь изысканному обществу. Что, несмотря на то что он всю жизнь прожил в замке клана Фудзимото, тем не менее он не был в состоянии поддержать светской беседы, не получал удовольствия от нежной музыки, остроумных шуток князя, красоты его дам. Изысканный вечер превратился в пытку для старого Такеси, мечтавшего лишь об одном, чтобы его поскорее отпустили домой.

Кияма же с легкостью справился с данным ему заданием, это была изумительная история о человеке, которого преследовали готовые разорвать его на части демоны.

Человек этот бежал долго-долго, но демоны не отставали. Когда он добрался до самого края земли, то перевалился через край и, схватившись за корень какого-то дерева, решил было, что спасся. Руки его были достаточно сильны, потому что он был воином и привык упражняться с тяжелым мечом тати. «Сейчас либо я дождусь, что стерегущие меня наверху демоны уберутся подобру-поздорову, либо попытаюсь спуститься вниз, до моста, где можно будет хотя бы упереться ногами».

Но как только он так решил, внизу раздалось рычание, и бедняга увидел поджидающего его внизу дракона. Чудовище распахнуло зловонную пасть с огромными зубами, ожидая, когда человек свалится туда.

Несчастный снова взглянул вверх – там его ждали демоны. Вниз – голодный дракон. Ну что ты тут будешь делать?! Кияма обвел собравших тревожным взглядом.

Вдруг человек увидел рядом с собой кустик земляники с красными, сочными ягодами. Он протянул руку, сорвал ягоду и быстро положил ее в рот. Лицо Кияма разгладилось, озаряемое улыбкой.

Господи! Какая же она была сладкая – эта земляника!!!

Все заплодировали.

После Кияма свои истории рассказывали его дамы, Такеси не слушал их, изумляясь тем, с каким изяществом даймё пересказал старую притчу, которую Такеси слышал еще в детстве и которая прежде не производила на него столь глубокого впечатления.

Наконец Господь как будто внял молитвам несчастного, Кияма почувствовал усталость.

Он зевнул, лениво ожидая, как из шкатулки будет извлечен последний предмет – веер Такеси. Задание, которое досталось секретарю, было практически невыполнимым: рассказать о том, какие бывают жены. Это ему-то – человеку, который никогда в жизни не был женат!..

Такеси бросил полный отчаяния взор в сторону князя, и тот, снисходительно улыбнувшись, сказал, что ответит за него сам.

– Жены делятся на убийц, воровок, господж, друзей и служанок! – изрек он, устало поднося к губам чашечку с чаем. И когда в комнате настала гробовая тишина, лицо даймё вдруг скисло, уныло он поглядел на пораженных и одновременно с тем заинтригованных подобной фразой женщин. – Но это, признаюсь, такая длинная и сложная тема, я ведь должен пересказать слова самого Будды, а к этому мне лучше подготовиться. Так что предлагаю начать с этой истории наш следующий вечер.

Все вежливо поклонились князю, благодаря его за изысканное удовольствие. Не отстал от других весьма довольный, что все наконец закончилось, Такеси.

Когда секретарь хотел уже откланяться и убраться восвояси, даймё вдруг попросил Такеси задержаться.

С замиранием сердца секретарь ждал, что теперь-то уж Кияма откроет ему свою тайну, но тот только предложил выпить с ним как самурай с самураем. Ожидая, пока однорукий старик разольет саке по чашечкам, Кияма вышел на балкон, наблюдая картину заката и напевая легкомысленную песенку.

Вернувшись, он поблагодарил Такеси за отличный вечер и первым, не смакуя, осушил свою чашку с ядом, растворенном в дорогом саке.

На этот раз секретарь видел собственными глазами, как его враг проглатывает яд, и не отправился к себе домой, решив наутро пронаблюдать за агонией Кияма. Яд, используемый Такеси, был достаточно сильным, изготовивший его врач уверял, что в основе препарата лежит трупный яд, взятый из желчного пузыря дохлой рыбы фугу, которая и сама является жуткой отравой, а тут еще и трупное разложение.

Даже прикоснуться к этому яду считалось небезопасным, так как ходило поверье, будто бы страшный яд способен проникнуть в организм даже через кожу.

Допив свою чашечку, Кияма посмотрел на секретаря мутными очами и вдруг ни с того ни с сего обнял его, обильно орошая горячими слезами.

Не зная, что делать, и уже чувствуя, как смертельный яд из глаз даймё переливается на его щеки и шею, Такеси ощутил приближение собственной смерти.

– Друг мой, – заливался пьяный князь, – Господь даровал мне истинного друга, друга, рядом с которым я счастливо жил столько лет и рядом с которым помру.

Решив, что его раскусили, Такеси затрясся, пытаясь освободиться от медвежьих объятий даймё.

– Друг мой, – Кияма отер покрасневшее от слез лицо, – друг мой...

– Я слушаю вас, господин. – Такеси затаил дыхание, ожидая, что Кияма вот-вот разродится своей последней исповедью.

– А давай еще по одной, друг? – предложил Кияма и поставил перед своим отравителем пустую чашку.

Глава 13

В Японии всё по-японски

В крестьянских и торговых семьях дети братьев и сестер называются племянники, и старшие относятся к ним как к младшим, а младшие почитают и слушаются старших. Это недопустимо в самурайских родах, так как наследники старшего брата по определению главнее.

Грюку Фудзико. Из книги «Дела семейные»

– Гендзико теперь не выйдет замуж. Это я виновата, господин, я недостойна жить! – Фудзико встала на колени, склонив голову.

– Как она? – Ала трясло. Первое, что он хотел сделать после того, как услышал страшную весть, броситься к старшей дочери, но как раз в этот момент у нее был деревенский доктор, и Ал не стал мешать осмотру.

– Она самурай. – Фудзико грузно поднялась с пола, сначала встав на одно колено и затем с усилием поднимая свое отяжелевшее от частых родов тело. – Не желаете принять ванну? Переодеться с дороги?

– К черту ванну. Как моя дочь?! – Мысль о том, что пришлось пережить Гендзико, жгла изнутри, причиняя нестерпимую боль. – Мы живем в прозрачных домах, почему никто не пришел к ней на помощь? Почему?..

– Вы оставили вместо себя своего старшего сына Амакаву, он отдал приказ Гендзико. Приказы не обсуждаются.

Ал сжал кулаки. Как обычно выходило, что виноват во всем он.

– Что мне теперь делать? – Ал заглянул в глаза жены, обнаруживая, что совсем недавно та плакала. Сейчас ее глаза были сухи, голос тверд.

– Ваш приемный сын Минору готов пожертвовать собой и жениться на Гендзико. – Фудзико выпалила это без колебания, счастливо улыбнувшись.

– Но Минору и Гендзико – родные брат и сестра! – От неожиданности Ал сел на пол. – Это ваши дети, моя дорогая, ваши и вашего первого мужа. Или что-то не так?

– Вы приказали мне забыть об этом, вот я и забыла. Никто ни о чем не догадался, – весело рассмеялась Фудзико. – Вы признали Гендзико нашей с вами законной дочерью, а Минору – все знают, что вы усыновили его шестнадцать лет назад. Никто кроме нас с вами не знает о реальной степени их родства. Впрочем, ничего страшного и не произойдет, ничего непоправимого, я имею в виду. Минору женится на ней, только чтобы покрыть грех брата. Это его долг. А через год вы дадите ему новый приказ развестись, и тогда Гендзико выйдет вторично замуж. Мне кажется, это отличный план!

– Какой план? – Ал услышал за дверью шорох и, чинно присев на подушку, велел служанке войти. – Моя дочь, быть может, не переживет случившегося? Может, она вообще умрет! – продолжил он, когда служанка, налив ему саке, покинула комнату, плотно задвинув за собой *фусима*.

– Ваша дочь действительно заболела, но она непременно выживет. Ведь она самурай. Мы же должны подумать о ее чести, о вашей чести...

– А Минору? – Ал обхватил голову руками. – Если бы я не успел, Минору был бы сейчас мертв! Как это отразится на нем?!

– Минору исполнял приказ. Уверена, что если бы дело дошло до сэппуку, он показал бы всем свою душу! Я горжусь им! – Фудзико снова победно улыбулась, подсаживаясь к Алу, чтобы налить ему еще саке.

– А Амакаву? – Ал чувствовал себя беспомощным. – Что мне делать с Амакаву?

– Все что считаете нужным. – Лицо Фудзико напряглось. – Он безропотно примет любое наказание. Даже смерть!

– Смерть! – Ал выхватил бутылочку с саке из рук жены и влил содержимое себе в горло. – Я должен казнить своего родного сына?

– Не казните. Это ваше право. Сошлите его в ссылку, отправьте в войско Токугава. Пусть остается там, пока все не уладится, или сошлите Гендзико! – Лицо Фудзико вновь озарила счастливая улыбка. – Ну конечно, формально Гендзико выполнила приказ, но, по сути, она утратила свою девичью честь, а значит, опозорила вас, ее отца, и свою семью. Значит...

Но Ал уже вскочил и, с силой толкнув седзи, так, что те вылетели из специальных крепежей, выбежал из дома.

В Японии существуют только японские выходы, в Японии, как ни бейся, тебе будут кланяться, вежливо улыбаться, но сделают все по-японски. По-японски – значит, таким образом, каким нормальный человек не решил бы ни за что на свете. Ал выхватил меч и, нимало не стеснясь, принялся выполнять боевые приемы, круша зеленую изгородь, с такой любовью высаженную здесь прежним садовником.

По-японски было бы правильное казнить теперь Амакаву за его проступок, а после Фудзико – за то, что не вмешалась и не защитила дочь. Потом...

Ни один приказ, который он считал принципиальным, по сути, не выполнялся, то есть выполнялся, но чисто по-японски.

Хотелось выть.

Расправившись с изгородью, Ал скинул с себя пропотевшее кимоно и продолжал какое-то время рубить воздух.

– Жизнь не сложилась, не удалась! – Дзинь, дзинь, дзинь, меч встретился с поддерживающими изгородь металлической проволокой. «Сгинь, сгинь, сгинь!» – звучало в голове Ала. – Послать всех куда подальше, выпить эликсир, снова оказаться дома. Забыть про эту бездарную никчемную жизнь в Японии, про свои надежды и чаянья.

Дзинь! Дзинь! Дзинь! Сгинь! Сгинь! Сгинь!

Хотелось кричать во весь голос, но своими криками он мог разрушить священное *ва* [4] соседей. Хотелось кататься по земле, молотя ее руками. Но таким своим поведением он подорвал бы свой собственный авторитет, навсегда опозорив свое имя.

– Нет, валить отсюда надо. Куда подальше, домой, в Питер. Все насмарку. Все впустую. За каким чертом меня вообще занесло в Японию? Хотел увидеть настоящего Токугава-сан, познакомиться с кормчим Адамсом. Где они теперь?

Ал остановился, стирая с лица крупные капли пота, в голове пульсировало, перед глазами поплыли красные круги.

– Зачем все? Мечты, надежды. Любимая жена, дом, впервые свой дом, дети... – Ал беспомощно покосился на замерших на крыльце Фудзико и приемного сына Минору и, не глядя отдав подбежавшей служанке меч, пошел в сторону домика, в котором размещалась ванна.

Когда-то давно, страшно подумать – шестнадцать лет назад, желая испытать судьбу, Ал принял эликсир общества «Хэби» и оказался в Японии начала семнадцатого века. В это почти невозможно поверить, он и сам не раз думал, что умер или сошел с ума, но здесь он был не один, кроме Ала в Японии находился его старый приятель, такой же игровик-реконструктор, как и сам Ал, кореец Ким, здешнее имя Кияма.

Шестнадцать лет Ал носил на шее медальон с изображением змеи, подаренный ему Кияма, в котором крылся билет обратно. И вот теперь пришло время воспользоваться им.

«Надо будет выяснить точнее, удастся ли вернуться в тот же день и час, когда принял эликсир, или нет».

Ал скинул набедренную повязку, позволяя служанке потереть себе спину щелоком.

Если «нет», получится, что я вернусь в Россию сорокапятилетним бомжом, а мне это надо?

Ал поморщился и, отстранив служанку, забрался в горячую воду. Подобная перспектива его не только не прельщала, а пугала. Здесь, в Японии, прошла его молодость, здесь у него семья, служба. Здесь он имеет все: расторопных слуг, верных самураев, готовых ради него лезть хоть черту в зубы. Здесь он на своем месте, а что он будет делать там?

Вернет ли свою квартиру? Вряд ли, за шестнадцать лет все продано и деньги прожиты. Сесть на шею сестре Аленке? А жива ли она? Попытаться пристроиться к какой-нибудь бабенке? На это тоже нужно время и силы. Нужен Интернет, сайты знакомств, а есть ли они еще? Есть ли там, в далеком пугающем будущем, Россия? Или вместо православных церквей давно возвышаются мусульманские мечети?

Он так давно не был там, что...

Ал омыл лицо горячей водой. Нужно было собраться с мыслями, посоветоваться. Медальон привычно покоился на груди, Ал погладил рисунок со змеей. Нужно ехать к Кияма. Именно к нему.

На секунду его сердце сжалось, подумалось, что до сих пор Кияма выходил на связь с ним по собственной воле и не чаще чем раз в пять лет, со всеми полагающимися в таких случаях предосторожностями. Так как об их встрече могли донести Токугава-сан, и тогда... даже приняв решение убраться из Японии, Ал не мог подставить свою семью и друзей.

«Кстати, а с семьей-то что делать? Забрать с собой? А сумеют ли они прижиться в двадцать первом веке? Даже если и сумеют, будет ли у Кияма достаточное количество эликсира? И на что он будет содержать их там?»

Все эти вопросы оставались без ответа, Ал закрыл глаза, быстро воображая перед собой экран монитора. Вот если бы можно было сейчас поболтать в чате с Кияма. Прочитать сводку новостей и понять, стоит ли тащить с собой жену и детей.

Жену и детей? Он представил себе, как его сыновья зарубят там кого-нибудь. Кого-то, кто элементарно толкнет их в метро или скажет бранное слово. К гадалке не ходи, ни один самурай, если он, конечно, самурай, а не слякоть, не простит такого. Они тоже не простят. Представил, как их затем осудят за это. Нет, они никогда не научатся жить вполсилы. Не сумеют прощать оскорбления, не согласятся расставаться с самурайскими мечами...

При воспоминании об Амакаву его сердце вновь сжалось. Надо же было воспитать двоих приемных как нормальных людей, и получить за все это собственного сына подонка!

Он поднялся, перелез через высокий край *офуро*²¹. Взял приготовленное служанкой полотенце.

«Амакаву следует изолировать от общества. Как угодно, но тварь, изнасиловавшая собственную сестру, не должна оставаться дома, где кроме него живут молодые девушки и женщины, где вообще люди живут! Пусть отправляется служить своему сёгуну, пусть охраняет дальние границы, пусть делает что хочет, с глаз долой, из сердца вон! Хотя, легко сказать, из сердца вон, легко сказать, прогнать собственного ребенка. Легко сказать, да трудно сделать».

С другой стороны, он и сам не собирался оставаться в деревне. Не мог видеть жену, не желал не только прикасаться к ней, но даже отдавать приказания.

На секунду Ал снова увидел ее озаренное внезапной догадкой толстое с двойным подбородком лицо, когда она предложила выгнать из дома свою родную дочь. Дочь, перед кото-

²¹ *Офуро* – японская короткая и глубокая ванна.

рой Ал должен теперь всю жизнь на коленях просить прощение, что не сумел ее защитить. Что невольно отдал ее – беззащитную – в руки развратного братца. Он скрипнул зубами.

Неожиданно решение пришло само собой. Уехать немедленно. Оставить дом на Минору и Фудзико. Услать Амакаву, еще лучше – лично препроводить до гарнизона, где подонок будет тянуть лямку, а затем с Гендзико предстать перед Кияма. И будь что будет.

Конечно, это было самым странным решением, и, наверное, правильное было забрать у Фудзико свою родную дочь Марику, но Ал вдруг осознал, что все его дети – не важно, приемные они или свои – остро нуждаются в Японии. Они родились японцами, были воспитаны как японцы, им положено служить здесь, жениться и выходить замуж. Не вписывается только он сам и его маленькая Гендзико, для которой с недавнего времени этот мир закрыт.

А значит, они уйдут вместе.

Однако убраться сразу же не представлялось возможным, Гендзико валялась на своей циновке, мучимая сильным жаром. То забываясь тревожным сном, то просыпаясь от кошмаров, она виновато смотрела в глаза отца, мучаясь от стыда, и всякий раз пытаясь встать на колени и ткнуться лбом в пол, как того требовал обычай.

Ожидая выздоровления старшей дочери, Ал подготовил письмо с просьбой о зачислении Амакаву в один из отдаленных замков Токугава. Сопровождать племянника вызвалась наложница Ала Тахикиро, верная спутница на полях сражений и армейская жена.

Не желая волновать ее перед дорогой, Ал скрыл разговор с Хироши, ожидая более удобного случая.

* * *

На следующее утро после принятия яда Кияма не смог встать на утреннюю молитву, ночью ему неожиданно сделалось плохо, и легкая тошнота, на которую он не обратил внимания с вечера, к утру перешла в неукротимую рвоту. С отвращением и неприязнью князь наблюдал извергающиеся из себя массы, невольно удивляясь, сколько, оказывается, в человеке разного дерьма. К утру, не умея чем-либо помочь себе, Кияма послал за замковым доктором, который предположил пищевое отравление и велел постоянно поить князя зеленым чаем. Впрочем, о каком чае могла идти речь, когда Кияма мог открыть рот только для того, чтобы извергнуть из себя очередные массы блевотины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Сэппуку – ритуальное самоубийство путем вспарывания живота. Провинившийся вассал должен был по приказу своего сюзерена покончить с собой. Этот же приказ в качестве признания заслуг мог получить проигравший сражение враг. Совершить сэппуку – значит, с честью уйти из жизни.

2.

Кайсаку – на ритуальном самоубийстве, сэппуку, рядом с самоубийцей должен присутствовать человек, который обезглавливает его в тот момент, когда самоубийца пронзает себе живот. Это делается для того, чтобы совершающий сэппуку меньше страдал и чтобы его страдания не испортили впечатления для присутствующих на сэппуку.

3.

Хоро – накидка, похожая на европейский плащ. Обычно плотная хлопчатобумажная или шелковая накидка, нижний конец которой заправляли за пояс так, чтобы при быстрой скачке на лошади она раздувалась, подобно парусу. Обычно хоро делались ярких цветов, и даже полосатые, но в нашем случае хоро ночи, естественно, черная. По мнению некоторых исследователей, она также служила защитой от стрел, поскольку легкие японские стрелы, сделанные из бамбука, в ней застревали. Подобный защитный элемент не был известен более нигде, кроме как в Японии. К XVI в. хоро стали натягивать на каркас из китового уса, чтобы она казалась развевающейся на ветру, в этом случае она явно теряла свою защитную функцию.

4.

Ва – понятие, связанное с гармонией, красотой, покоем. Если на улице грязь, это разрушает священное ва живущих на этой улице людей, если соседи громко ругаются или их дети ведут себя излишне шумно – это тоже нарушает ва. Ва может нарушить громкая музыка, неприятные запахи, вид неприбранного дома или двора. За нарушение священного ва соседей можно было ответить и в суде.